

№7 (1605)

2011

Не в силе Бог, а в правде!

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**РЕЖИМ ИМЕЛ РЕПУТАЦИЮ
НЕСВЕРГАЕМОГО**

Журнал «Посев».

Учредитель: Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Г.М. Амнуэль, Т.П. Артёмова, Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков, А.Б. Горянин, В.Э. Долинин, Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько, О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов, Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, В.Б. Славин-Боровский, М.В. Славинский, И.Б. Чубайс, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

Компьютерная вёрстка

М.Ю. Родионов

Корректор

К.В. Оскоцкая

Адрес издателя и редакции: 127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96
Телефон/факс: (495) 625-9248

E-mail: tsurganov@mail.ru;
posevru@online.ru
http://www.posev.ru

Адрес типографии ООО Принт сервис групп: 125438, Москва, 2-й Лихачёвский пер. 7. Телефон (495) 797-8124

Тираж 800 экз. Свободная цена
Подписано в печать 26.06.2011

Адрес издательства POSSEV GmbH:
Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-1265; fax 34-3841.
http://www.posev.de
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

ISSN 0234-8284

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна

ПОСЕВ

№ 07 (1606) июль 2011 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

Колонка редактора.	2
ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ	
Борис Пушкарёв. Решающая победа	3
Валерий Сендеров.	
Неосталинщина как духовный феномен.	5
Светлана Шешунова. Имена и новоназы.	6
Григорий Амнуэль.	
Будановщина, или проблемы в армии.	10
Сергей Маркедонов. Уроки Казани	11
Георгий Васюточкин. Сбываются ли	
предсказания А. И. Солженицына?	12
ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ	
В. С. Злободневный. Освальд Шпенглер	18
Освальд Шпенглер. Англичане и пруссаки ...	19
МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО	
Дмитрий Соколов.	
Каратель с врачебным дипломом	24
Кирилл Александров. В поисках ответа:	
за что сражались белые?	29
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ	
Татьяна Никонорова. «...Не дай бог дожить	
до таких лет, до такого упадка...»	30
Г. А. О талантливых партнёрах	
и суде редакторов	34
АРХИВ	
Фёдор Степун.	
Родина, отечество и чужбина.	35
Василий Орехов. В гостях у «Посева»	41
КНИГИ И ЛЮДИ	
Александр Гогун. Бойня шла не ради славы... ..	42
ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ	
Мирон Я. Амусья. Об одной церемонии	
к семидесятой годовщине 22 июня	45
Максим Ефимов. «В тюрьме я	
не рассчитывал выжить»	47
По стране	48

Интернет в этом июле взорвался шквалом истеричных комментариев к двум цитатам, появившимся в Интернете же.

«В современном общественном сознании определяющую роль в легитимации играет миф о победе. В идентификации постсоветского общества существенную часть занимает так называемая Великая Отечественная война... Миф, созданный вокруг советской победы над нацистской Германией, обладает легитимирующей силой... Средства массовой информации питают советский миф о победе... Для системы, созданной Путиным, миф о победе в мировой войне служит основным моментом легитимации. Он служит для соединения с народом. Они обновили старый миф. Празднование дня Победы каждый год в мае длится две-три недели. Мы всё ещё снова и снова побеждаем немцев... Для обновления старого легитимирующего мифа героизируют события советского периода. Преступные и ошибочные шаги советской системы реабилитируются. Недостатки советского руководства задним числом оправдываются. Советскую историю очищают с точки зрения победы в войне. Например, это касается связанных с подготовкой к войне насильственными индустриализацией и коллективизацией... Победа в мировой войне — важнейший легитимный миф современного российского общества, частью которого является утверждение, что Запад не был способен победить нацистскую Германию, а Советский Союз, наоборот, смог это сделать... Этот миф работает. Миф о священной народной войне, завершившейся яркой победой, нужен русскому народу после распада советской империи и утраты статуса великой державы... Вредной частью для укрепления мифа служит то, что в народное сознание обратно внедряется миф о Сталине-вожде. Поддержанию постоянной готовности к войне служит тезис, что нужно победить любой ценой, необходимо самопожертвование. В этой связи нельзя говорить о потерях... Не в последнюю очередь этот миф о победе оправдывает любое самоуправство нынешней власти... Проблема заключается в том, что сегодня укрепление этого мифа российские граждане не хотят принять в целом».

«Культом советской победы в мировой войне — основное легитимное основание современной России. Его громко озвучивают телевидение, газеты, другие средства массовой информации. На этом основании строится сознание двадцатилетних. Эта победа для нас все, никогда от неё не откажемся, только мы можем победить — это главные составляющие мифа. Предавший забвению миллионные жертвы миф о победе в мировой войне стал после 1945 г. главным основанием легитимации второго издания коммунистического режима в СССР, а потом и в нынешней России».

Комментаторы сообщают, что это фрагменты из выступлений старшего научного сотрудника ИНИОН РАН Ирины Глебовой и директора ИНИОН РАН академика Юрия Пивоварова, соответственно. И сделаны эти выступления были в венгерском Центре русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша.

Но почему нельзя опираться на мифы и их использовать? Многие крупные торговые компании, например, устанавливают перед входом в здания фирм статуи Гермеса. Изображения мифологических существ часто используются в современной геральдике. В символах Всемирной организации здравоохранения, Американской медицинской ассоциации используются посох Асклепия и кадуцей Гермеса. Грифон стал одним из королевских символов Англии, символом банка «Мидланд Банк», присутствует на символах автомобильных компаний «Сааб» и «Воксхолл». Пять звёзд из созвездия Плеяд украшают эмблему автомобильной компании «Субару» (субару по-японски — Плеяды).

Ах, суть возражения в другом, в том, что победа 1945 года — не миф, а реальность?

В своей монографии «Диалектика мифа» А. Ф. Лосев даёт следующее определение: «Миф есть для мифологического сознания наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей степени напряжённая реальность. Это — совершенно необходимая категория мысли и жизни. Миф есть логическая, то есть, прежде всего диалектическая, необходимая категория сознания и бытия вообще. Миф — не идеальное понятие, и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь».

В попытках разобраться, что есть миф, а что реальность, призовём на помощь философу ещё одного свидетеля эпохи (и её творца) — генерал Дратвина, начальника штаба СВАГ (Советской военной администрации в Германии). В 1947 году он написал приказ, категорически запрещающий всем сотрудникам СВАГ посещать западные сектора Берлина. В заключение генерал Дратвин грозил нарушителям приказа применением строжайших мер взыскания... вплоть до откомандирования в Советский Союз. Таким образом, откомандирование на родину официально, устами начальника штаба СВАГ, объявлялось строгим наказанием для советских граждан за границы.

Борис Пушкарёв

Решающая победа

К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ АВГУСТА 1991-ГО

В Европе был в свое время расхожий термин: «братья комму-наци». Сегодня говорят, что нельзя ставить на одну доску коммунизм и нацизм, что, в отличие от второго, первый по происхождению гуманистичен, стремится к равенству людей. Но дело не в теории, а в политической практике, которой нацисты учились у Ленина: всеобъемлющей пропаганде, цензуре и террору во имя единственно верного учения, представленного партией и её вождём. По числу жертв коммунисты далеко превосходили своих учеников — в СССР более 25 миллионов до Второй мировой войны, а после неё сколько ещё миллионов в Китае, Кампучии, Эфиопии и прочих странах «лагеря мира и социализма»? Брата-наци победа во Второй мировой войне действительно прикончила, а второй брат остался и расплодился по свету, покорил треть человечества и объявил, что переход к социализму необратим.

И мир не знал, что с этим братом делать. Воевать с ним в атомный век было немислимо, но гонка вооружений нарастала. Его старались всячески оградить, а порой, напротив, с ним договориться, но выхода видно не было. В русском Зарубежье звучали голоса, что выход — в свержении режима внутренними силами в центре, в России. Но этому на Западе мало верили: режим имел репутацию несвергаемого.

Решающий удар ему нанёс Август 1991-го

В России жила крепкая традиция сопротивления тоталитаризму — от генерала Корнилова до академика Сахарова. Разные звенья этой цепи ковались разными людьми, в разных обстоятельствах, в разное время. Потому они были непохожи одно на другое: Белое движение, десятки народных восстаний, от Ярославля до Кронштадта, сопротивление коллективизации, внутрипартийный протест против Сталина, Освободительное движение времён войны, послевоенная партизанщина, восстания в ГУЛАГе, помощь советских солдат восставшим немцам в 1953 и венграм в 1956 годах, диссидентство, правозащитное движение. Чекисты поработали над тем, чтобы преемственности между ними было мало, каждое поколение начинало заново, но Александр Галич вступил в НТС именно для того, чтобы сохранить преемственность борьбы. Все звенья этой цепи были связаны единой целью: устранения правящей диктатуры и возвращения народу более свободной жизни.

В августе 1991-го эта цель была достигнута. Как?

На верхах правящего слоя постепенно обозначилось деление на охранителей и реформаторов. В Политбюро ЦК КПСС преобладали первые, но в 1985 году их средний возраст достиг 68 лет — они были ровесниками Октября — и за предыдущие три года стали свидетелями смерти трёх генеральных секретарей ЦК

КПСС подряд. Потому новым генсеком они избрали человека на 14 лет моложе — М. С. Горбачёва. Он вовсе не был намерен упразднить советский строй — он думал о социализме с человеческим лицом.

Первым делом он добился разрядки в отношениях с Западом, обоюдного сокращения атомных вооружений. Чтобы подтвердить серьёзность нового курса, он в сентябре 1987-го объявил об отказе от классовых интересов во внешней политике, о признании единства мира и верховенства общечеловеческих ценностей. Это означало конец 70-летнего противостояния СССР всему «буржуазному» миру, отказ от ленинских заветов и от «необратимости» социализма.

Внутренние реформы встретили больше сопротивления в партии. Чтобы его преодолеть, Горбачёву надо было привлечь на свою сторону независимую общественность, добиться её участия в «перестройке». С 1986 года ослабла цензура, под лозунгом «гласности» в обществе разворачивались политические дискуссии. В 1987 году началось освобождение политзаключённых. Их теперь было немного — тысячи, а не миллионы, — но инерция страха держала людей в повиновении. Режим все 70 лет стоял на двух столпах — лжи и страхе, и когда обе опоры отпали, его крушение стало делом ближайшего времени.

Этому делу способствовало появление второго полюса власти — укрепление, за счёт правительства Союза ССР, правительства российской республики. Оно взяло более решительный темп реформ, и чтобы центральная власть их не тормозила, 12 июня 1990 г. было объявлено верховенство республиканских законов над союзными. Венчающим событием стали свободные выборы в июне 1991 г., на которых президентом республики, представлявшей более половины населения СССР, был избран сторонник смены режима Б. Н. Ельцин.

На уровне всего Союза тем временем нарастал спор о положении союзных республик, которые стремились к большей самостоятельности, и о переходе от государственного хозяйства к рыночному. М. С. Горбачёв, занявший в марте 1990 г. новый пост президента СССР, отказался осенью того же года от быстрых рыночных реформ и окружил себя противниками перемен. Но он продолжал переговоры с представителями республик о новом, более свободном союзном договоре, который предстояло подписать 20 августа.

Однако группа заговорщиков из окружения Горбачёва изолировала его на даче в Крыму и утром 19 августа объявила, что он «по состоянию здоровья не может исполнять обязанности президента», что управление страной принял Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) и что новый союзный договор требует доработки. В следующие 11 дней Эстония, Латвия, Украина, Белоруссия, Молда-

вия, Киргизия и Узбекистан провозгласили независимость. В предыдущие полгода это сделали только Литва и Грузия.

Узнав о попытке переворота, Б. Н. Ельцин прибыл в свою резиденцию, в Белый дом на набережной Москвы-реки, и призвал народ и армию не подчиняться самозванному ГКЧП. В защиту Ельцина вокруг Белого дома собрался живой щит, десятки тысяч безоружных жителей сперва Москвы, а потом и других городов. ГКЧП трижды пытался отдать приказ о штурме Белого дома, но ни армия, ни спецназ не желали стрелять в народ. На третий день противостояния члены ГКЧП полетели в Крым к Горбачёву, но тот их не принял. По приказу Ельцина они были арестованы, а Горбачёв вернулся в Москву «как в другую страну». 22 августа состоялся грандиозный «митинг победителей», и день стал известен как День российского флага, поскольку тогда трёхцветный флаг, вместо красного, вновь стал государственным флагом России. На следующий день Верховный Совет РСФСР прекратил деятельность КПСС на своей территории, а затем и Верховный Совет СССР на всей территории страны. 28 октября Ельцин огласил программу коренных реформ, перехода к рынку и приватизацию, на которые ему Верховный Совет дал широкие полномочия. На Украине же 1 декабря прошел референдум, давший подавляющее большинство за независимость. Лидерам трёх славянских республик, встретившимся в Беловежской пуще, осталось только подтвердить фактически произошедшее расторжение союзного договора 1922 года. Советский Союз перестал существовать, его международные обязательства переняла Российская Федерация.

Свет и тени Августовской революции

Августовская революция, несомненно, важнейшее политическое событие второй половины XX века. Православная Церковь — освобождённая годом ранее от репрессивных законов 1918 и 1929 годов — праздновала 19 августа Преображение Господне, и в этот день началось преобразование страны. Про период до августа 1991 года сегодня принято говорить: «в советское время». **В Августе закончилось советское время** (хотя советские учреждения продержались ещё два года) Волевой порыв повёл людей на баррикады у Белого дома и на демонстрации во многих городах для защиты положительных перемен последних пяти лет и самого Ельцина, обещавшего продолжать их в будущем. Это был своего рода референдум. Да, в нём участвовало только активное меньшинство, но оно представляло широчайший спектр социальных слоёв, политических течений, вероисповеданий, национальностей. За ГКЧП и против Ельцина в те дни не выступил никто.

Победа, которую праздновали 22 августа 1991 года на площадях Москвы и других городов, была решающей победой в 76-летней гражданской войне в России, закончившейся через два года выстрелами танков с Новоарбатского моста. И более того, если принимать всерьёз цели Второй мировой войны, как они выражены в Атлантической хартии, — возвращение самоу-

правления народам, у которых оно было насильственно отобрано, свобода от страха и нужды — то поражение и красного, а не только коричневого тоталитаризма предстаёт и как вторая, решающая победа в прошедшей полвека назад войне.

Замечательно в этой победе то, что самая кровавая диктатура века, если не истории, была побеждена бескровно. Психологическое соотношение народа и власти достигло той точки, когда одни больше не хотят, а другие уже не могут. ГКЧП уже не был тоталитарной властью, а только её пьяной тенью. А всемогущая КПСС, когда её закрывали за то, что она допустила попытку переворота, тихо сидела по домам и не высывалась. Порыв единомыслия в стране был слишком очевиден.

Другая особенность Августовской революции в том, что она проходила не под знаком свержения режима, а под знаком защиты легитимной власти. Листовка НТС в те дни начиналась словами «Бороться за законную власть». Имелась в виду власть президента Ельцина, избранного на бесспорно свободных выборах.

Непреднамеренным последствием августовской революции стал распад единства страны. Если хотеть, его можно назвать трагическим в том смысле, что он был вызван попыткой ГКЧП его предотвратить. Если бы не ГКЧП, новый союзный договор был бы 20 августа подписан, и единство страны в какой-то мере сохранено. Насколько жизнеспособен бы был новый союз, мы не знаем. Тогдашний президент США Буш-старший, ссылаясь на опыт американской истории, ратовал в Киеве за централизованное, а не рыхлое союзное государство. Американцы очень боялись распада державы, начинённой атомными ракетами. Но Украина и другие республики, видя нестабильность в Москве, предпочли вовсе от неё отстраниться. Остро тогда стоял и вопрос разницы темпов рыночных реформ в разных республиках. Правительство Горбачёва всерьёз обсуждало постепенный переход к рынку в ходе 13-й пятилетки, что приводило в ужас экономистов в России. Другой насущный вопрос — об исправлении границ Российской Федерации в соответствии с этническим составом населения — также едва ли могло решить слабое центральное правительство.

В итоге Август сделался детонатором мирного распада СССР, который трудно себе было представить и который в корне изменил мировую геополитику, — мир перестал быть двуполярным и сделался многополярным.

Другая черта Августовской революции — её легитимизм — также повлекла за собой непредвиденные последствия. В странах Восточной Европы происходил решительный разрыв: коммунистическое правительство объявлялось нелегитимным, проходили свободные выборы, новый парламент и новое правительство начинали с чистого листа. У нас же решительного разрыва с советским прошлым не было. Прежний режим был отвергнут в карикатурной форме ГКЧП, с чем все были согласны. Старый, полукommунистиче-

ский Верховный Совет выступил против ГКЧП, за роспуск компартии и за временный карт-бланш на реформы Ельцину. Ну, как его было после этого распускать и объявлять свободнее выборы? Объективно, конечно, надо было, поскольку уже через год Верховный Совет вступил в конфликт с президентом, а через два сам учинил мятеж на манер ГКЧП, который пришлось подавлять военной силой. Свободные выборы состоялись в самый политически неподходящий момент, когда боль от необходимых реформ ощущалась острее всего, а не тогда, когда августовская эйфория могла дать Ельцину подавляющее большинство в Думе. Ельцину пришлось считаться с возродившейся компартией и, чтобы не усугублять раскола в обществе, провозгласить в 1994 году не осуждение коммунизма, а «согласие и примирение», утверждение преемственности с советским прошлым, а не с антисоветской оппозицией. Возвращение городам и улицам исторических названий было остановлено, и меры, которые принимались в бывших соцстранах, в России так и не состоялись: возвращение к досоветскому законодательству, отстранение бывших коммунистических функционеров от управленческих и преподавательских должностей, возврат желающим владельцам отобранной у них государством собственности. У нас же принцип «раздать госсобственность кому попало, лишь бы наделать побольше миллиардеров» уважению к частной собственности не способствовал. А беспрепятственно перетекшая из СССР в новую

Россию позднебрежневская номенклатура принесла с собой пренебрежение к народу, навыки взяток и откатов, которые расцвели в условиях рынка небывало пышным цветом.

Сделанная в годы президентства В. В. Путина попытка поднять патриотизм обелением рухнувшего режима, восстановлением советских символов вызвала недоумение у наших соседей и способствовала упадку духа у молодёжи в стране, потере перспектив на будущее. Что, кстати, и привело к нынешним поискам «модернизации».

И всё же

Советский режим назревал 60 лет, существовал 70 лет и, возможно, будет 60 лет рассасываться. Будем надеяться, что мы близки к половине этого пути. Несмотря на все трудности, мы имеем сегодня государство, в корне отличное от советского; с противоположным отношением к внешнему миру, к Церкви, к собственности, к деньгам, да, всё-таки, и к свободе человека. На пути к нему Август 1991-го был решающим шагом.

Если не сбылись надежды, если многое не так, давайте вернёмся к Августу, разберёмся, в чём ошибки, и будем исправлять путь. В отличие от победы оружием, Август был бескровной победой воли и духа. Это праздник преобразования и надежды, праздник преодоления злого прошлого, праздник взора, устремлённого в будущее. Именно такой праздник нам важен сегодня.

Валерий Сендеров

Неосталинщина как духовный феномен

К ПОСТАНОВКЕ ЗАДАЧИ

Крушение коммунизма в начале 1990-х годов не нанесло никакого удара советскому менталитету. Скорее наоборот: оно освободило и укрепило его.

Что является содержанием этого менталитета? Агрессивный изоляционизм, ненависть к личности, свободе и праву, вера в универсальную спасающую власть «сильной руки»... Список легко продолжить; но вряд ли кто включит в череду славных добродетелей преданность делу Маркса-Энгельса и желание избавить от угнетения пролетариев всех стран. Уже лет тридцать тарбарские заклинания были лишь формой, языком. К тому же языком неадекватным: скорее скрывающим подлинную суть духовного феномена советизма, чем передающим его.

Но всё-таки. Словам никто давно не верил, и все прекрасно понимали, что за ними в действительности стоит. Привычка — удобная вещь; а наступившая в 90-е годы языковая беспризорщина понуждала к творческому поиску, давно, казалось, невозможному в среде корифеев марксистских наук.

И зря казалось. Замелькали костюмы; всё новые примерялись, совлекались, надевались заново... Евразийство и византизм, третьеримство, неосла-

вянофильство, консервативное революционерство... Фантазия профессоров заработала с юношеской бурностью — в каких только зеркалах не успел перед нулевыми годами отразиться советский оскал. Все эти образы ухватывали некие существенные черты беспризорного менталитета; общий же недостаток у них был один. Ленинская гениальность опустила в своё время марксизм до плачевного, знакомого нам состояния. Кто же на наших общественных кафедрах — в кузницах евразийств и византизмов — мог соперничать с великим вождём? Как правило, высокоумные вымученные теории не опускались ниже уровня студентов инженерных вузов.

И выход был, наконец, найден. Как всё гениальное — ошеломляюще простой.

«Нужно выбирать: или откровенный космополитизм (будь то социалистический, будь то анархический, будь то религиозный), или державная политика. Третьего не дано».

«Жизненные испытания не подрывают веры в мировое призвание Родины, но изменяют взгляд на формы его конкретного воплощения».

И т. д., и т. д., и т. д. Сменовеховство. Устряловщина. Национал-большевизм. Нет больше нужды рядиться в нелепые кафтаны, пахнуть конским потом и кизяком. Побоку византизмы, побоку евразийства. Это у них, в Европе, «измы» всякие! У нас власть хороша и права не потому, что она такова по отношению к каким-либо внешним меркам. А потому, что она — Власть! И требование наше к ней одно: она должна быть Сильной Властью! Советский менталитет вышел, наконец, на ценностный уровень, полностью адекватный его сокровенному существу.

*Шах с бараньей мордой на троне,
Самарканд на шахской ладони...*

Именно — шах! Вождь! Совершенное воплощение совершенного государства. Советское мышление избавилось, наконец, от чуждого ему, европейского идеологии. Идеология ведь — чисто европейское понятие; и поклонение ей предполагает — нравится это вождям или нет — *согласие* с нею. Быть может, вынужденное; быть может, симуляцию согласия. Но при крайних, китайских формах *этатизма* — такие даже и вопросы не могут вставать. За попытку *похвалить, прославить* не подлежащее обсуждению Государство — дерзкий нечестивец подлежит утоплению в сортире...

Подобное мировоззрение уже существовало в СССР. Правда, лишь однажды. В наивысшей точке его развития — в конце незабываемых 1940-х. Когда гениальный Сталин отказывался от своих постов. Он был уже не великий, не мудрый — хотя по снисхождению к нашей слабости и позволял такие слова. А уж тем более — не какой-то там «генсек». Он был — СТАЛИН. Был — ВЛАСТЬ.

И — точка.

Нынешний сталинизм — мифологическое явление. И бороться с ним историческими аргументами смысла нет. То есть, аргументы эти нужны — но для других целей. Мифологическую же основу явления исторические аргументы не могут поколебать. Сегодняшний сталинист — не несчастный пенсионер или пятнадцатилетний отморозок. Представьте-ка себе в светлом сталинском прошлом нынешнего крепкого рыночника или офицера среднего звена. Идиотов мало — «сталинисты» вовсе и не стремятся в этот рай. Но *сталинизм* — каков он есть сегодня — адекватное воплощение их ожиданий, чаяний и надежд. А реальность — реальность, в новых своих формах, — всегда приложится...

Нужно, наконец, понять. Мировоззрение это вызревало около столетия. И сегодня — благоприятнейшие условия для него. Далеко не все причины этого мы назвали выше.

Светлана Шешунова

Имена и новоназы

«Имя Твое именуем», — поют в храмах, прославляя Воскресение Христово. Мария Магдалина не могла при встрече узнать воскресшего Спасителя, пока Он не назвал её по имени. В Священном Писании множество раз говорится о значимости имени человека. Большевики тоже прекрасно сознавали эту значимость и не могли оставить мир имён вне своего контроля. Язык новой власти (по гениальному определению Оруэлла, «новояз») проявился и во множестве «новоназов» — имён собственных, неразрывно связанных с идеологией правящей партии и служивших средством утверждения ее власти.

В рассказе «Настенька» Солженицын описал, как «перед большим портретом Ильича ребятишек, поступающих в пионеры, переименовывали из Мишек и Машек — в Кимов, Владленов, Марксин и Октябрьин, ребятишки сияли от радости переменить имя, повторяли своё новое». Неразумные дети не понимали, чего лишаются вместе с именем. Но взрослые, в отличие от них, ведали, что творили. В этом же рассказе учительница Настенька на уроках литературы предлагает школьникам как «предел самоотверженности ради общего дела» строки стихотворения:

*Хочу позабыть своё имя и званье, —
На номер, на литер, на кличку сменять!*

Многие и сменяли — на *лагерный* номер. В «Одном дне Ивана Денисовича» тот же Солженицын подчёркивает, что охранники называют заключённых только по номерам. Правда, автор приведённого выше двустишия, популярный в то время поэт Владимир Луговской, в сонм этих «счастливых», освобождённых от имени, не попал.

Однако переименование «Мишек и Машек» в «Кимов и Октябрьин» было пусть и массовым, но недолговременным и стихийным: особого постановления на этот счёт советское правительство не издавало. Иное дело — то переименование городов, улиц, переулков, площадей, вокзалов, мостов, набережных, которое велось (пусть и с разной степенью активности) с 1918 года до конца 1980-х. Тысячи исторически сложившихся, иногда многовековых названий заменялись партийными кличками (Ленин, Киров, Володарский и др.) или фамилиями (Дзержинский, Калинин, Фрунзе и др.) коммунистов. Иногда эта смена выглядела вообще как чехарда. Город Рыбинск, носивший своё название с 1777 года, а до того именовавшийся Рыбной слободой, в 1946-м в честь члена ЦК компартии был переименован в Щербаков, в 1957-м получил прежнее имя, в 1984-м был переименован в Андропов (в честь генерального секретаря того же ЦК), в 1989-м название Рыбинск ему вновь было возвращено.

Некоторые новоназы, по счастью, продержались недолго. Ижевск, город уральских оружейников, в 1984 году был переименован в Устинов (в честь члена Политбюро ЦК КПСС), но уже через три года ижевцы отстояли историческое имя своего города. Похожая история произошла с Набережными Челнами, которые с 1982-го по 1988-й назывались городом Брежневым. Приведенные выше примеры наглядно показывают, что исконные названия провинциальных городов — как, собственно, и все естественно возникшие топонимы — не связаны с политикой; обычно они указывали на род занятий местных жителей (Рыбинск) или рельеф местности (Набережные Челны). По контрасту, новоназы давались в честь того или иного деятеля правящей партии.

Начало этому процессу, как известно, положил декрет Совнаркома «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке памятников Российской социалистической революции» (апрель 1918 года), подписанный Лениным, Луначарским и Сталиным, а позднее названный «ленинским планом монументальной пропаганды». Этот декрет предписывал не только заменить «старорежимные» монументы памятниками революционерам, но и переименовать улицы городов. Следовательно, сами большевики официально признали топонимы, то есть имена мест, *памятниками*: их искоренение стало частью целенаправленной борьбы с исторической памятью народа.

Имена собственные — важнейшая составляющая и языковой, и культурной картины мира любого народа, поэтому традиционная система имён является мощным оружием защиты национальной идентичности. Уничтожение этой системы всегда способствует деградации национального сознания, подрывает психическую способность населения страны к сопротивлению захватчикам. Закономерно, что завоеватели, подчинив себе какую-либо страну, давали её городам и другим заметным объектам собственные названия. Например, город Юрьев, основанный в 1030-м Ярославом Мудрым, при захвате немецкими рыцарями-крестоносцами (1224) был переименован в Дерпт (ныне — Тарту). Именно так ленинцы поступили с захваченной ими Россией: тотальный слом прежней топонимической системы выражал не только политическое, но и психическое их господство над страной.

Этот слом отвечал и ненависти большевиков к тысячелетней русской истории. Той ненависти, которая вдохновляла, например, стихи Александра Безыменского:

*Расеюшка-Русь, повторяю я снова,
Чтоб слова такого не вымолвить век.
Расеюшка-Русь, распроклятое слово
Трёхполюя, болот и мертвеющих рек...*

Как же тут не порадоваться, что эта отвратительная страна

*Околела? Умерла? Сдохла?
Что же! Вечная память тебе!
Не жила ты, а только охала...*

Кстати, имя этого поэта носит улица во Владимире, а сам он с 1970 года числится в списке почётных граждан этого древнего города. Для сравнения: певец традиционного русского уклада писатель Иван Шмелёв, который, как и Александр Безыменский, прожил несколько лет во Владимире, в такой почётный список не входит. Это типичный случай. Наша современная топонимика включает множество имён тех, кто открыто ненавидел Россию, и очень мало имён тех, кто её любил.

Противостояние русских имён и советских новоназов заметно во многих произведениях Солженицына. Писатель с любовью перебирает традиционные топонимы, словно нищет из них словесные бусы: Епифань, Казановку и Монастырщину («Захар-Калита»), «Льгово, а прежде древний город Ольгов» («Прах поэта»), «ручёк Берёзовец, деревню Сетуху <...>, Благодатное <...> и Желябугу» («Желябугские выселки»). В рассказе «Случай на станции Кочетовка» подробно перечисляются населённые пункты, до которых идут минующие станцию поезда: Липецк, Елец, Верховье, Отрожка, Арчеда, Пачелма и многие другие. Как правило, в таких перечнях собственных имён нет сюжетной необходимости; в мире писателя они призваны свидетельствовать об исконной России. В отличие от новоназов, такие топонимы естественны, ненавязчивы, как природа. Недаром рассказчик «Матрёнина двора» признается, что от самих имён деревень Тальново, Часлицы, Овинцы, Спудни на него тянуло «ветром успокоения».

По контрасту, от новоназов, утвердивших на карте имена партийных функционеров, веет жестокими ветрами гражданской войны. Переименование Царицына (известен с 1589-го) в Сталинград (1925) предопределило трагическую развязку в рассказе Солженицына «Случай на станции Кочетовка». Его главный герой, молодой убеждённый коммунист, лейтенант Зотов, осенью 1941 года рвётся на фронт, но вынужден выполнять обязанности коменданта на станции Кочетовка. Он отдаёт приказ арестовать пожилого ополченца Тверитинова, который отстал от своего эшелона. Лейтенант отправляет Тверитинова в застенки НКВД (по сути, на смерть) лишь потому, что тот забыл о переименовании Царицына: «...всё оборвалось и охолонуло в Зотове! Возможно ли? Советский человек — не знает Сталинграда? Да не может этого быть никак!» Комендант немедленно делает вывод, что перед ним опаснейший враг — белогвардейский шпион.

Обсуждая в редакции «Нового мира» рукопись этого рассказа, Твардовский и его подчинённые пытались внушить писателю, что в реальности человек не мог забыть о новоназе «Сталинград». Однако Солженицын возразил, что «для человека старой культуры очень естественно и не помнить такой новой пришлёпки». Автор рассказа не мог сомневаться в его правдоподобии: ведь он взял за основу подлинное происше-

ствие — об изложенном случае Солженицыну рассказал его приятель Леонид Власов, который и был в описанное время, осенью 1941 года, комендантом станции Кочетовка. Кстати, лежащий неподалеку от этой станции и упомянутый в рассказе город Мичуринск до своего переименования (1932) назывался Козловом (известен с 1635-го); смена имён в стране была поистине тотальной.

В фамилии несчастного героя «Кочетовки», обаятельного московского интеллигента Тверитинова, недаром звучит имя древнего города на Волге. К этому имени Солженицын обращается и в романе «В круге первом»: упоминание Иннокентия Володина о том, что его дядя живет в Твери, вызывает у его свояченицы Клары лишь недоумение: «Где?». «В Калинин», — объясняет Володин. Для юной москвички Клары имя русского города, когда-то соперничавшего с Москвой, уже ни о чём не говорит; но дипломат Володин, осознавший лживость советского режима, предпочитает употреблять исконное название. В другой главе «Круга», когда один из заключённых сравнил «куйбышевскую пересылку с горьковской и кировской», его собрат Илья Хоробров откликнулся на это всей душой — «в сердцах швырнул кирпичом об пол», и «лицо его выразило боль»: «Слышать не могу! <...> Говори как человек: самарская пересылка, нижегородская, вятская! Уже двадцатку отбухал, чего к ним подлизываешься!». Хоробров — человек, который, по словам повествователя, «понимал побольше многих» и испытывал «тошноту от несправедливости, даже не касавшейся лично его». Поэтому его мнение в романе воспринимается как весомое.

В том же произведении автор перечисляет объекты, носившие к концу 1940-х имя Сталина: «города и площади, улицы и проспекты, дворцы, университеты, школы, санатории, горные хребты, морские каналы, заводы, шахты, совхозы, колхозы, линкоры, ледоколы, рыболовные баркасы, сапожные артели, детские ясли — и группа московских журналистов предлагала также переименовать Волгу и Луну». Это имя с нашей карты давно исчезло, однако ленинско-сталинская топонимическая модель благоденствует. В 1990-х она была кое-где поколеблена, но не разрушена. В наибольшей мере возвращение исторических имён затронуло Москву и Петербург, но даже в Москве свои исконные названия получили только 4% тех старинных улиц и переулков, которые были переименованы коммунистами. В целом по России самое распространённое ныне название улицы — Советская: оно встречается на карте 8409 раз. Улиц Ленина на сегодняшний день 5618; это имя в отечественной топонимике, безусловно, господствует. Таким образом, исходя из чисто языковых данных, именно Ленин — истинный хозяин нашей страны. Улиц Кирова на карте современной России около 2870, улиц и проспектов Карла Маркса — 1495, улиц Свердлова — около 1100, улиц Володарского — 460, улиц Розы Люксембург — 284 и т. д.

Юные пионеры, становясь Кимами и Октябринами, отрекались от христианских святых, имена кото-

рых прежде носили, от уважения к воле своих родителей, когда-то давших им те имена, по сути — от элементарной принадлежности к русской культуре. Однако таким же отречением, в сущности, является нынешнее согласие русских людей именовать себя кировчанами, а не вятчанами, ульяновчанами, а не симбирчанами. Большинству наших современных соотечественников безразлично, как называются их родные улицы и города, — главное, чтобы не было хлопот, а особенно денежных расходов. Но есть и те, кто выступает за возвращение прежних имён на место коммунистических новоназов.

Это движение в мае 2011 года мощно поддержала петербургская радиостанция «Град Петров». Но прежде чем рассказывать об этом, стоит обрисовать само это радио, которому недавно исполнилось десять лет.

«Град Петров» уникален во многом. Во-первых, это радио Санкт-Петербургской митрополии — единственная в России радиостанция, созданная Церковью (а не общественными организациями, которые позиционируют себя как православные).

Во-вторых, это пример реальной преемственности с русским зарубежьем, в течение всего советского периода хранившим традиции дореволюционной России. Такие примеры (в их число входит и «Посев») в современной России можно, к сожалению, пересчитать по пальцам одной руки. «Град Петров» возник на основе радиостанции «Голос Православия» («Voix de l'Orthodoxie»), созданной в 1979 году в Париже потомками эмигрантов «первой волны». Когда упал железный занавес, в Свято-Покровском монастыре (Франция, Бюсси-ан-От) состоялся семинар для православной молодёжи из России. Русское зарубежье передавало этой молодёжи свой опыт миссионерской и благотворительной работы. В 1992 году два молодых священника, побывавших на семинаре, — о. Александр Степанов и о. Лев Большаков — применили этот опыт на родине: создали и возглавили в Петербурге благотворительное Братство св. Анастасии Узорешительницы. С тех пор и поныне оно несёт многообразные служения, помогая нуждающимся — особенно заключённым и детям. Братство открыло и новые возможности для вещания «Голоса Православия» в России: о. Александр Степанов стал его представителем в городе на Неве. Приезжая в Петербург, сотрудники парижского радио привозили свою аппаратуру, свои программы. В 2000 году на этой базе и был основан «Град Петров», а протоиерей Александр Степанов был назначен его главным редактором.

В-третьих, это радио уникально по глубине христианского просвещения. Возрождение церковной жизни, идущее в нашей стране в течение уже двадцати лет, даёт не так уж много плодов — не в последнюю очередь потому, что проповедь Евангелия и жизни во Христе нередко подменяется пропагандой особой «русской духовности» или «державности». Этой подмене «Град Петров» убеждённо противопоставляет свою весть о неисчерпаемой глубине и богатстве подлинно церковного богословия. На радио ежедневно звучат проповеди, посвящённые сути Православия

(а не, скажем, народным обычаям, которые когда-то прилепились к церковным праздникам). Это проповеди и уже ушедших из земного мира богословов (например, протопресвитера Александра Шмемана), и современных петербургских священников. Постоянным автором радио является один из авторитетнейших не только в России, но и в мире знатоков Библии — профессор Санкт-Петербургских духовных школ архимандрит Ианнуарий (Ивлиев).

Но «Град Петров» понимает христианское просвещение не только как богословское. Немалую долю вещания составляют музыкальные и литературные программы, призванные воспитать у слушателя хороший вкус. Разумеется, они обращены к той классической культуре, которая напитана христианским духом. И столь же большое внимание уделяется просвещению историческому. Редакция радио исходит из убеждения, что хорошее знание истории нужно не только тем, кто избрал изучение ушедших эпох своей профессией; оно необходимо любому зрелому человеку, особенно христианину.

Примером такой просветительской работы стал выход аудиодиска «Портрет утраченной страны» — цикла совместных бесед историка Кирилла Александра, протоиерея Георгия Митрофанова и протоиерея Александра Степанова. Раскрывая особенности предреволюционной жизни разных русских сословий, этот цикл наглядно показывает, как эта жизнь была непохожа на представления о ней, насаждавшиеся советской историографией и советской школой.

Кирилл Михайлович Александров — постоянный автор и еженедельно выходящей на «Граде Петрове» программы «Под знаменем России» (ведущая — редактор радио Марина Николаевна Лобанова). Один из циклов этих передач — «Белые генералы: М. В. Алексеев» — также недавно выпущен на аудиодиске. На первый взгляд может показаться странным, что именно церковная радиостанция обратилась к фигуре Алексеева и посчитала, что подробный рассказ об этом сугубо военном человеке важен для современного религиозного сознания. Но такой выбор глубоко обоснован. Михаил Васильевич Алексеев — антигерой популярного ныне исторического мифа, который рисует создателя Добровольческой армии как устроителя Февральской революции и виновника отречения Николая Второго. В своих передачах Кирилл Александров с профессиональной точностью, с опорой на документы показывает, что это представление о «генерале-предателе Алексееве» (которое тиражируется в разных изданиях, в том числе называющих себя православными) построено на лжи. В жизни христианина никакой лжи не место; следовательно, освобождение сознания слушателей от исторических фальсификаций и мифов — естественная задача передач, звучащих на церковном радио.

Рубрика «Под знаменем России» предлагает размышление над событиями прошлого как поле для духовной работы слушателя. История жизни различных деятелей XX века обсуждается здесь в свете проблем соблазна и духовной трезвости, ответственности

и безответственности. И важная роль в этом обсуждении принадлежит собеседнице Кирилла Александрова — Марине Лобановой. В диалогах с этим выдающимся историком она как бы представляет от лица не профессионалов, а просто людей, переживающих за судьбу Отечества и потому желающих разобраться в его прошлом. Её эмоциональные реплики, живые отклики на рассказ собеседника направляют обсуждение от фактов к их нравственному осмыслению, а также придают передачам особое, «домашнее» звучание, какого не бывает в лекциях-монологах.

Неудивительно, что эти же два сотрудника «Града Петрова» создали цикл передач, посвящённых историческим и нравственным проблемам современной топонимики. Он называется «Возвращение в Петербург». Город на Неве давно вернул себе своё имя, но его карта по-прежнему испещрена советскими новоназами. В передачах названного цикла Кирилл Александров подробно объясняет, кто такие Бела Кун, Дыбенко, Урицкий, Володарский, Марат, Хо Ши Мин и прочие организаторы массовых убийств, чьи имена увековечены коммунистами в городе апостола Петра. «Почему мы живём на улицах с такими именами? — обращается к слушателям Марина Лобанова. — Почему нам это безразлично? Убивается история города, его душа. Самое страшное, что это не вызывает вопросов. Главный враг на пути к Христу — равнодушие. Давайте перестанем быть равнодушными к тому, что рядом, что каждый день на глазах, — к символам исторического зла, насилия и неправды».

Для обсуждения той же проблемы Марина Лобанова, уже как ведущая рубрики «Встреча», не раз приглашала на радио юриста Даниила Петрова, вице-президента фонда «Возвращение». Из их бесед выяснилось, что главные аргументы противников возвращения прежних имен — мнимые. Такие противники ссылаются на крайнее неудобство переименования улиц — необходимость смены паспортов, документов о праве на собственность и т. п. Даниил Петров как профессиональный юрист заверил, что это неправда: закон требует переоформления документов лишь в том случае, если адрес частного или юридического лица меняется реально (то есть, когда человек или фирма переезжает в другое место). На ложном основании стоит и другой тезис противников возвращения исторических имен: такое возвращение якобы потребует слишком больших денег для печатания новых карт, смены табличек на домах и т. п. Даже если бы это было так, прагматичные большевики неспроста не останавливались перед такими тратами. Слишком хорошо понимали Ленин и его последователи, как важна топонимика, как незаметно и прочно она влияет на самосознание народа; один раз оплатив переименование городов и улиц, они на столетие вперёд обеспечили своей партии повсеместную бесплатную рекламу. Но расходовать деньги при смене топонимов вовсе необязательно. Таблички на домах всё равно со временем приходят в негодность и заменяются; также регулярно переиздаются карты, справочники, бланки учреждений с их адресами. Расходы на их замену и так заложены в бюджет. Ничто

не мешает приурочить переименование улиц к плановой смене табличек, и ни одной лишней копейки из бюджета на это не уйдет.

Радиостанция «Град Петров» приглашает волонтеров, готовых лично участвовать в возвращении исторических имён, предлагает в этом свою поддержку. Но почему именно церковная радиостанция обратилась к топонимическим вопросам? Неужели они важны не только для языка и культуры, но и для религиозного сознания?

Да, важны. В феврале этого года Архиерейский собор Русской Православной Церкви принял постановление «О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших». В этом документе есть и такой пункт: «Необходимо продолжать диалог с государством и разъяснительную работу в обществе для

того, чтобы в названиях улиц и населённых пунктов не возвеличивались имена лиц, ответственных за организацию преследований и уничтожения неповинных людей, в том числе пострадавших за веру». К сожалению, мало кто в нашей Церкви читает постановления своих архиепископов, а тем более выполняет их. «Град Петров» — трудами Марины Лобановой и её собеседников в эфире — выполняет.

Далеко не всем слушателям радио это оказалось по нраву. Но хотелось бы надеяться, что резкие отклики тех, кому ближе новоназы (те самые — возвеличивающие «имена лиц, ответственных...»), и тех, кто горой стоит за безразличие к ним, не смутят авторов «Возвращения в Петербург». И что по всей стране всё-таки будет расти число сторонников возвращения из постсоветской Российской Федерации в Россию.

Григорий Амнуэль

Будановщина, или проблемы в армии

Читатель, не бойтесь, я не сошёл с ума, и не собираюсь соперничать с признанными авторитетами в военной аналитике Гольцем, Литовкиным, Шаравиным, Цыганком и Фельгенгауэром. Нет, я бы себе этого никогда не позволил, зная этих людей и уважая их квалифицированное мнение. Но не написать о проблеме армии сейчас, как мне кажется, уже нельзя.

Итак, то, чего следовало ожидать, свершилось, или произошло. Возмездие настигло преступника, условно реабилитированного Государством. Буданова застрелили в центре Москвы, на прямой дороге к Кремлю. В промелькнувшем в Интернете первом заявлении «помиловавшего» его бывшего губернатора Ульяновской области и бывшего его командира генерала Шаманова было сказано, что он боится, что могут прийти и за ним. Естественно, генерал должен бояться: ведь то, как доблестно он воевал — Кавказ помнит. Да, мало кто может забыть кадры, успешно растражированные нашими СМИ: новогодние залпы по Грозному с кощунственными криками напившихся и ошалевших от вкуса крови вояк.

Если бы те залпы получили должную оценку в обществе и государстве, возможно, была бы жива Эльза Кунгаева, возможно, был бы жив и полковник Буданов (правда, скорее, жил бы он с позором, а не мнимым «героем России»). Но, увы, эти кадры многим нравились и продолжают нравиться: ведь что может быть упоительней безнаказанной игры в солдатики. Ведь многие видели в этих поступках и кадрах аналогию с кадрами 1945 года, со снарядами с надписью «На Берлин», и т. д. На эту аналогию, уверен, рассчитывали пропагандисты войны. Так же они потом рассчитывали на успех кадров, быстро сошедших с экрана, с призывами «на Тбилиси». Наше общество и, прежде всего, наши СМИ забыли об ответственности за разжигание войны. Их научили прославлять войну, оправдывать

любые злодеяния, если их в пылу ажиотажа боевых действий творят свои военные, но, как писал прекрасный поэт-фронтовик, заплативший за эти строки, точнее, за это знание своей жизнью, М. Кульчицкий: «Война совсем не фейерверк, а просто трудная работа...». Об этом снимал свой фильм «Иди и смотри» (в первом сценарии «Я убил Гитлера») Э. Климов, а также многие другие лучшие режиссёры, но, опять, в который раз, увы, СМИ заволокло сериалами, утомлёнными солнцами и цитаделями с ротами. Так стоит ли удивляться, что в настроениях молодёжи «пахнет войной»... Да, пока она больше выхлестывается в противостоянии спортивных фанатов, но при таком развитии событий не за горами другие схватки и, возможно, боевые.

В стране, где закидывают чёрной краской посольство Сербии и где так остро и неадекватно реагируют на арест военного преступника, что-то ни так. В стране, где осуждённого, пусть и выпущенного по УДО (которого ни Ходорковский, ни Лебедев, ни многие другие, не дождутся) и застреленного на улице, хоронят с воинскими почестями, оркестром и салютом, есть большие проблемы с обществом, армией, моралью. Это не только проблемы министра Сердюкова и реформирования структур армии, это, прежде всего, проблема нравственности в армии, и тут очень точно говорит министр Сердюков: «Проблемы армии — это проблемы общества». Не может быть здоровой армия в стране с таким всё более звереющим обществом. Чем больше мы тратим процентов нашего ВВП на вооружение, чем больше мы прославляем «наших» как кузницу общества завтрашнего дня, чем больше мы демонстрируем полное неприятие всех тех, кто думает по-другому, тем больше мы приближаем гибель — и вот тут опять, увы, и свою.

Пропаганда войны не доводила до добра ни одно государство! Кто не верит, может проанализировать

хотя бы XX век. Нужно, необходимо идти на компромисс, нужно учить людей терпимости! Это самая насущная задача для власти, которая думает о будущем страны. Тем, кто думает только о своём будущем и кто надеется по молодости, что война может обойти его стороной — нужно создавать фронт. Остальным, кто хочет жить, и чтобы жила Россия и мир, пора задуматься и создавать мир. Нам нужно прекратить аморальную пропаганду и фальсификацию войн. Нам нужно назвать своими именами все трагедии войн. Нам нужно научиться называть преступниками тех, кто этого заслуживает. Невзирая ни на звания, ни на заслуги (а то в передачах о войне с возмущением рассказывается о том, как нацисты в ходе боевых дей-

ствий убивали не только солдат, но ни слова нет о «геройствах» Жукова, разминирующего минные поля своею пехотой). Нам нужно научиться называть героями, тех, кто действительно заслужил это звание. Звание, прежде всего спасителя мира, что отличает его от завоевателя. Тех, кто, пройдя любую войну и нахлебавшись всей её отвратительно пьющей славы, прячет подальше свои боевые награды и замолкает, когда о войне говорят только как о победе. Война — это горе! Горе, и больше ничего! России — активной участнице двух самых кровавых войн человечества — нужно, необходимо это понять. Только тогда вопрос о реформировании армии и общества обретёт здравый смысл.

Сергей Маркедонов

Уроки Казани

Трёхстороннюю встречу президентов России, Азербайджана и Армении в Казани многие политики и эксперты посчитали провалом. В самом деле, по своим результатам переговоры в столице Татарстана не могут сравниться с теми, которые были достигнуты в Майендорфе в ноябре 2008 года, в Астрахани в октябре 2010-го и в Сочи в марте нынешнего года. Стороны лишь обозначили «взаимопонимание по ряду вопросов».

Однако при более «объёмном взгляде» на саммит в Казани и на динамику Нагорно-Карабахского мирного процесса, мы обнаружим, что звучащий со всех сторон алармизм далеко не всегда оправдан. Во-первых, давайте честно признаемся: накануне встречи в столице Татарстана мировая дипломатия, а вслед за ней многие эксперты искусственно подняли «планку ожидания» от очередной встречи Дмитрия Медведева, Ильхама Алиева и Сержа Саркисяна. Этот оптимистический подъём начался после саммита «Большой восьмерки» в Довиле, когда появилось совместное заявление президентов США, Франции и России. Этот документ, упоминающий выход на компромиссное соглашение по «базисным принципам» уже в июне 2011 года, вдруг стали воспринимать слишком не критично. Как будто довийское заявление было первым документом подобного рода! Напомню, что еще в 2009 году в Аквиле (Италия) президенты трёх стран-посредников уже выдвигали в качестве основы для решения конфликта «обновлённые Мадридские принципы». Затем подобное происходило на саммите «восьмёрки» в Канаде в прошлом году. Однако в двух предыдущих случаях прорыва в мирном процессе не произошло.

Что же давало основания полагать, что в 2011 году чудо вдруг случится? Разве Армения и Азербайджан

пришли к пониманию того, что миру нет альтернативы? Ничуть не бывало. Азербайджан продолжал говорить о соблюдении территориальной целостности и «широкой автономии для Карабаха» так, как будто бы «принципы» не говорили ничего ни про «промежуточный статус» для спорной территории, ни про народное волеизъявление по финальному статусу, имеющее юридическую обязательность. Армения же настаивала на референдуме, делая вид, что её не касаются положения об освобождении оккупированных районов. В период между Довилем и Казанью никуда не исчезла и милитаристская риторика (вспомним хотя бы заявления Эльдара Сабиорглу, начальника пресс-службы министерства обороны Азербайджана, 4 июня 2011 года). Таким образом, сами участники конфликта не показали своей способности к взаимным уступкам.

А как же посредники? По справедливому замечанию первого президента Армении Левона Тер-Петросяна, «у Америки огромные другие проблемы: Ирак, Афганистан, Иран, Северная Корея и т. д. Просто руки не доходят. Сколь бы богатым ни было это государство, ресурсы Штатов ограничены. Это, с одной стороны, откладывает решение. Но, с другой стороны, создаёт возможность для России быть более активной в этом вопросе». В значительной степени оценку Тер-Петросяна мы можем приложить и к Франции, оказавшейся вовлечённой в ливийский кризис. Что же касается Москвы, то её ресурсы также не безграничны. Потеряв своё влияние в Грузии, российская дипломатия опасается подстёгивать мирный процесс, боясь встать перед выбором: либо Армения, либо Азербайджан. В этой связи российской дипломатии приходится лавировать не только между Баку и Ереваном, но и между двумя лобби и «группами интересов» внутри самой России. Следовательно, у стран-посредников к июню 2011 года также не было в руках инструментов, способных радикально изменить ситуацию.

С. М. Маркедонов — приглашённый научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований, США, Вашингтон, кандидат исторических наук

Не будем забывать и о том, что само по себе противопоставление — подписание «базовых принципов» или скатывание в войну — выглядит до крайности упрощённым взглядом на вещи. Просто потому, что сам факт подписания «обновлённых Мадридских принципов» (документа имеющего серьёзные недоработки и противоречия) представителями Баку и Еревана не означает ещё наступления мира, как пытаются утверждать сторонники «оптимистических сценариев». Представим себе на секунду, что Баку согласится на народное волеизъявление по финальному статусу Нагорного Карабаха. А как быть с Основным законом республики, который не разрешает референдумы в отдельно взятых территориях (такие процедуры возможны лишь на общенациональном уровне)? И если Ереван согласится на вывод войск с оккупированных территорий, то где гарантии, что власти непризнанной НКР, не вовлечённые в переговорный процесс, пойдут в фарватере этого решения? Ответы на эти вопросы надо искать уже сегодня, но этого не происходит. Именно поэтому стороны конфликта столь сдержанны. Но даже если бы сдержанности не было, подписание не проработанного до деталей документа чревато серьёзной непредсказуемостью. Кто просчитает реакцию НКР? Кто может предвидеть поведение беженцев в случае ухода армянских сил? Не будет ли это сопровождаться мстостью за годы лишений и страдания во время войны 1991—1994 гг.?

Таким образом, если мы хотим извлечь уроки из казанского саммита, то нам необходимо принять четыре принципиальных тезиса. Во-первых, не следует искусственно завышать ожидания и выдавать высокие авансы участникам переговоров. Наивно полагать, что, услышав добрые слова в свой адрес, дипломаты тут же подпишут важный документ. Во-вторых, уже сегодня надо продумывать возможные последствия от подписания «базовых принципов», документа внутренне противоречивого и требующего детализации. Пора уйти от противопоставления самого факта подписания соглашения войне. Срыв переговоров вовсе не то же самое, что война (смотрите примеры Кипра, где переговоры идут годами, и срываются раз за разом, а к вооружённому конфликту дело не идет). И напротив, временный успех переговоров может взвинтить конфликтные настроения в двух обществах. В-третьих, осуждая провал в Казани, надо иметь волю к тому, чтобы вовремя остановиться и не дискредитировать мирный процесс как таковой. Лучше сотня провальных и ничтожных по своим результатам встреч, чем одна большая война! В-четвёртых, переговоры требуют меньше идеализма и больше прагматики. Только поняв то, как можно вписать мирные соглашения в общий «патриотический контекст» легитимации власти, Баку и Ереван станут более сговорчивыми. Ни Азербайджан, ни Армения не будут это делать ради абстрактных разговоров про «европеизацию» и «демократические ценности».

Георгий Васюточкин

Сбываются ли предсказания А. И. Солженицына?

Уже немало лет жил я с невесёлым одиноким чувством, что в тяжком знании забежал от соотечественников вперёд, и нет нам кратких путей объяснения.

«Угодило зёрнышко промеж двух жерновов»

I
Солженицын последнего двадцатилетия — после завершения им «Красного колеса» — страстный публицист, откликнувшийся на самые злободневные события современной политики — приватизацию и войну в Чечне, рыночно-либеральный экономический курс России и функционирование демократических институтов западного образца — ещё остаётся живейшим участником политических дискуссий о ближайшем будущем человечества и России в XXI веке. Но справедливость его взглядов, высказанных им ещё до возвращения в Россию, уже проходит проверку прошедшими десятилетиями. Моя задача — на оселке событий последнего времени оценить состоятельность его предсказаний из — становящегося уж столь далёким — прошлого — 70—80-х годов XX столетия. Поэтому материал для анализа составляют всего две брошюры — «Письмо вождям Советского Союза», дати-

рованное 5 сентября 1973 года, и — «Как нам обустроить Россию?», почти одновременно опубликованную «Комсомольской Правдой» и «Литературной Газетой» 17 и 18 сентября 1990 года.

В «Письме вождям Советского Союза» Солженицын предостерегал советских вождей: а) от следования гибельным курсом марксистско-ленинского «учения»; б) от недооценки возвышающейся восточной угрозы — набирающего силы Китая; в) от принятия доктрины «экономического роста», по которой живёт «демократический» Запад. Письмо это взвешивало внешние для России угрозы. Посильные же раздумья о том, «Как нам обустроить Россию», посвящались нашему внутреннему устройству — организации жизни на пространстве посткоммунистического СССР, предсказанию неизбежного и анализу открывающихся перед страной перспектив свободного развития.

«Письмо вождям Советского Союза», имевшее хождение лишь в диссидентских кругах, не могло, по известным причинам, иметь общественного отклика. Зато опубликованная 27-миллионным тиражом в СССР брошюра «Как нам обустроить Россию?» в первые же недели подверглась обсуждению в писательских клубах и союзах СССР; откликнулся на неё и М. С. Горбачёв. «Низовые» голоса тогда ещё не принимались во внимание — редакциям и «Комсомолки», и «Литературной Газеты» поступило указание не печатать на своих полосах тысячи хлынувших в редакции «откликов с мест». Всенародного обсуждения этой сверхактуальнейшей, можно сказать, программной работы писателя не произошло.

II

Сегодня проблемы, поднимавшиеся 20—40 лет назад Солженицыным, остаются на повестке дня. Они лишь ещё более выпукло оформились — как в вопросах внешней ориентации страны в эпоху глобализма, так и её внутреннего обустройства. 20 лет назад Россия перестала участвовать в определении миропорядка на планете, чем занимался СССР на протяжении полувека.

Размышлениями о ближайшем будущем СССР Солженицын спешил озаботить соотечественников — «как бы нам, вместо освобождения, не расплющить под его (коммунизма. — Г. В.) развалинами». В целом его «посильные соображения» были встречены — теми, кто получил доступ на страницы немногих центральных печатных изданий, в целом неприязненно (не говоря о злобном хоре уехавших на запад за социальными благами и взлфером «образованца»). Вот несколько суждений учёных историков, философов, сценаристов, высказанных поздней осенью того давнего, 1990-го. Доктор философских наук Валентин Толстых: «Это интеллектуальный вызов всей нашей перестроечной идеологии» [1], — а ведь эта идеология выражалась двумя словами — «больше социализма!» Другой доктор философии — Борис Межуев удивлялся: «Он видит спасение России в возвращении к её национальным корням и истокам». [1] Издатель Павел Греков: «Соображения Солженицына не стыкуются с реальной жизнью. Возьмите... рассуждение о том, что Россия должна разделиться. Почему?» [1] Это было сказано 12 ноября 1990 года, когда ещё существовал СССР, но критик Солженицына «не заметил», что месяцем раньше, 11 октября, была принята Декларация о... государственном суверенитете республики Башкортостан [2] — автономные республики РСФСР начали своё бегство из Федерации за полгода до ухода из СССР Союзных республик!.. Ещё один доктор философии — Валерий Подорога получал: «Проект, который мы обсуждаем, лично меня ни к чему не побуждает. ГУЛАГ — вот наша проблема, а не обустройство России». [1] Кинорежиссёр Игорь Масленников: «Я с восторгом воспринял сочинение Солженицына. <...> Он, вероятно, отстал от жизни, но как гений чувствует, нюхом чувствует нашу беду, то, что мы уже развалились». [1] И — невыразитель-

ный отклик М. С. Горбачёва — живёт-де не в современном мире.

Но вот — свидетельство Н. Д. Солженицыной об «отсталости» писателя. «В конце 80-х мы в нашем вермонтском лесу жили новостями из России <...> А. И. подавлен: “Что ни день, открывается беда, горше вчерашней”. Задумал писать эту работу, читал для этого сотни страниц статей, отчётов, ежедневных тасвок». [3]

Столь же удивительно видеть и современные, с апломбом высказываемые в печати, суждения. Двадцать лет спустя, в сентябрьском номере «Литературной Газеты» вездеприсутственный литератор Александр Мелихов, чьи тексты выходят еженедельно во многих газетах и ежемесячно — во всех столичных журналах, заявляет: «Героическая судьба и масштаб личности Солженицына всё-таки затмили его ПОЛИТИЧЕСКУЮ НЕУДАЧУ» (выделено мною — Г. В.) С этим самовнушением и поныне живут наши нынешние всезнающие либерал-демократы — помню, как в декабре 2003 г. в Пушкинском Доме на солженицынских чтениях профессор-филолог И. Н. Сухих небрежно обронил — ну, о политических оценках Солженицына нечего и говорить, ведь ничто не оправдалось... Представитель молодого поколения писатель Сергей Шергунов нынче тоже становится в позу критика. В публикации «О России с любовью» [1], многократно клянясь в трепетном уважении к Солженицыну, он посмеивается над его «лирическими увещеваниями» и даже сравнивает их с «романтикой ранних большевиков». [1] Хотя — и не отказать Шергунову в правильности восприятия позиции Солженицына: «Его статья — “философское письмо”, где есть пламенная ярость к советскому и критика Запада за пошлость и имитационную демократию» (там же).

Доктор философских наук и публицист Александр Казин в сентябре нынешнего года в статье с остроумным названием «Был прав, и ошибался» подчёркивает: «Во многом оказался он прав, и, прежде всего в своих опасениях». А разве для политически мыслящего гражданина не главное — верный расчёт нежелательных последствий любых масштабных действий по переустройству настоящего? В разделе «А что есть Россия?» Солженицын бесстрашно определяет: «Надо чётко объявить: три прибалтийских республики, три закавказские республики, четыре среднеазиатских да и Молдавия, эти одиннадцать — да! Непременно и бесповоротно будут отделены». Так и случилось, причём первыми из Союза ССР ушли прибалты и Грузия. — «Только и останется, — писал Солженицын, — то, что можно назвать Русь <...> И вот тут-то можно и надо приложить все силы разумности и сердечности, чтоб утвердить плодотворную содружность наций». Этот политический совет, к счастью, был услышан российскими властями — ведь и в составе Российской Федерации о суверенитете почти мгновенно заявили Башкортостан, Татарстан, Тува... Только разработка и срочное подписание в марте 1992 г. компромиссного Федеративного Договора спасло РФ от участи СССР (а возможно — и Югославии).

«Пещерный националист» Солженицын выдвигает ещё один безошибочный тезис. Русский, именно русский народ повинен в том, что «наш народ отдался духовной катастрофе Семнадцатого года», «и с тех пор мы до жалкости — не прежние» <...> «Наши деды и отцы, “втыкая штыки в землю” во время смертной войны, дезертируя, чтобы пограбить соседей у себя дома, — уже тогда сделали выбор за нас — пока, на одно столетие, а то, смотри, и на два». И «надо, — итожит Солженицын, — перестать холуйски повторять: “мы гордимся, что мы русские!” Махровый национализм неприемлем при выборе будущего России в такой же мере, как и слепое схождение на рельсы “имитационной демократии”».

И далее — целый перечень наиточнейших рекомендаций в «Слове к малым народам и народностям». Вот лишь немногие: «Для некоторых, даже и крупных наций... почти что и выбора нет: непрактично существовать государству, в круговую охваченному другим». Напрямую сказано о Татарстане. Другая: «Крымским татарам, разумеется, надо открыть полный возврат в Крым» (что и случилось). «Но при плотности населения XXI века Крым вместителен для 8—10 миллионов населения, и стотысячный татарский народ НЕ может себе требовать владения им». А у вернувшихся татар такие помыслы были и остаются...

Предвидел Солженицын и то, что не виделось никому тогда: распад Грузии. «Так нетерпеливо жаждет национальной независимости Грузия». (Это ещё при Гамсахурдиа. — Г. В.) А после: «Притеснение абхазцев, притеснение осетин и недопуск на исконную Родину месхов — неужели это и есть желанная национальная свобода?» Многие ли задумывались тогда о возможном выделении из состава Грузии Южной Осетии и Абхазии?.. За 18 лет предчувствовал конечный результат!.. Это всё — в первой половине брошюры, заглядывание «В ближайшее». А вот вторая — «Подальше вперёд». «Выбирая демократию — надо отчётливо понимать, что мы выбираем и за какую цену». И непреходяще важной стала глава «Что есть демократия и что не есть». Солженицын напомнил, что к вторичным, необязательным признакам демократии относятся парламентский строй и всеобщее избирательное право. Нынче у нас есть и Парламент (Федеральное Собрание), и всеобщее право выбирать, но что даёт формальное следование этим принципам, если сегодня неудобные партии и кандидаты выдавливаются из бюллетеней под разными предложениями; в общероссийском масштабе на выборах 2007 года — партия «Яблоко», в регионах — наиболее одиозные для «Единой России» инопартийные оппоненты. Рассматривая «способы голосования», Солженицын подвергает уничтожающей критике как раз «пропорциональную систему» по партийным спискам. Её считали за наилучшую и кадеты, и Ленин — вот и сегодня выборы происходят сугубо по партийным спискам. Результат известен — власть в руках «бронзовеющей» — по выражению Президента Д. А. Медведева — псевдопартии «Единая Россия». Солженицын к месту приводит высказывание Троцкого. «Что такое партия? Это груп-

па людей, которая добивается власти, чтобы иметь возможность выполнить свою программу. Партия, которая не хочет власти, не достойна называться партией». Не выработка оптимальных путей развития государства, а захват власти — вот главное в консолидации группы политиков в партии.

Особо ожесточённой критике подвергались (и подвергаются) альтернативные рецепты возвращения российской государственности, собранные в главе «демократия малых пространств». Все недостатки западной демократии перестают играть определяющую роль в пределах небольшого города, посёлка, волости, района, где «все знают всех» и где ложные репутации заезжих ораторов не скажутся в ходе выборов в органы власти. «Это, — пишет Солженицын, — именно такой объём, в каком может начать расти, укрепляться и сознать себя новая российская демократия». Непосредственная демократия — реальная основа местного самоуправления. Одна из его форм — земство, и этот путь низовой самоорганизации до сих пор не оказался сколько-нибудь востребован в ходе государственного строительства посткоммунистической России. «Малые образования» до сих пор влачат довольно эфемерное существование. На уровне «малых пространств» не оставалось собственности, которой «земский мир» мог бы хозяйственно распоряжаться; в царской России даже бедняки-крестьяне имели живность: лошадь, домашний скот, луга для его выгона. Ещё при Хрущёве вышел запрет на обладание домашней живностью, неучтённых коров припрятывали в сараях под замком. Малые пространства иного типа — «моногорода», которых на сегодня остаётся более 130-ти, суть поселения, образованные для решения узких промышленных, чаще всего оборонного характера, задач, и там имущество сугубо государственное. Власть сегодня особенно озабочена судьбами этих искусственно образованных под промышленное предприятие образований... Бюджет нынешних муниципальных образований — более чем на две трети — средства, передаваемые сверху региональной администрацией. Экономическая основа возрождения земств сегодня фактически отсутствует.

В чём ещё Солженицын оказался прав совершенно — это в определении отношений подчинения на высшем уровне центральной власти. Во время перестройки многим за образец высшего органа власти виделась Государственная Дума с реализацией принципа разделения властей, высказанного ещё кадетом В. Д. Набоковым: «Исполнительная власть да покорится власти законодательной», и многие ведущие демократы конца века насмерть стояли за «парламентскую республику» (вспомнить хотя бы призыв А. Д. Сахарова законодательно реализовать принцип «Вся власть Съезду» народных депутатов). Солженицын стоял за Президентскую республику. Буквально он писал: «Президент назначает совет министров по своему усмотрению, предпочтительней — из специалистов, принятых на основании конкурса; нежелательно — из членов законодательных палат. Министры отчитываются как перед Президентом, так и перед обеими

палатами, но ими не могут быть смещены». Ельцин реализовал эту рекомендацию почти буквально. Далее, ссылаясь на правоведа В. В. Леонтовича, Солженицын даёт замечательное разъяснение функций двух исполнительных органов — правительства и администрации. «Правительство отличается от администрации (бюрократии) тем, что решает новые задачи, а администрация — старые, устоявшиеся». Вскоре такое разделение оказалось реализовано и на региональном уровне; и у нас, в Петербурге, существуют и действуют как администрация губернатора, так и Правительство Санкт-Петербурга.

В заключительной части работы Солженицын подытоживал: «Непосильно трудно составлять какую-либо стройную разработку вперёд: она, скорее всего, будет содержать больше ошибок, чем достоинств, и с трудом послевать за реальным ходом вещей». Видимо, те, кто и сегодня по-хамски отмахивается от высказанных 20 лет назад предостережений и рецептов, невнимательно пробежали брошюру «методом быстрого чтения».

И — после сказанного — добавим ещё: очевидно, те критики Солженицына, кто видит в нём «политического неудачника», имеют свой подсознательный стандарт «удачливого политика». Это, можно полагать, не тот, кто видит ясно варианты развития, вызовы и возможные ответы на них, но хватчиво пользуется ситуацией для достижения единственно важной для таких политиков цели — захвата власти (Ленин) и удержания её (Сталин) без всякого соотнесения с возможными затратами — материальными и людскими (гражданская война, голод, ГУЛАГ). Такие политики — анализировать не мастера: Ленин в конце 1916-го всерьёз думал о своей будущей жизни в качестве одиночки-литератора, не усматривая в самый канун февральской революции признаков, её предвещавших.

III

А теперь — о нашем ближнем будущем — из ранних семидесятых: о чем тревожился Солженицын в «Письме вождям Советского Союза» от 5.09.1973 г. (YMCA-PRESS, Париж).

В этом письме писатель решил высказать «своё понимание будущего <...> предложить на тот момент своевременный выход из главных опасностей, ждущих нашу страну в ближайшие 10—30 лет». «Эти опасности: война с Китаем и общая с Западной цивилизацией гибель в тесноте и смраде изгаженной Земли».

Говоря о будущих возможных вооружённых конфликтах, Солженицын уверенно исключал — уже тогда — вероятность применения ядерного оружия. «Всё его сверхнакопление бессмысленно, лишь тешит избретателей и генералов. <...> Оно никогда не пригодится, а к началу конфликта ещё и устареет». Прогноз пока оправдывается, а вот оценки ведущих государственных деятелей и военных на сегодня. В номере «Известий» от 15 октября 2010 г. напечатан материал за подписями Евгения Примакова, Игоря Иванова, Евгения Велихова и Михаила Моисеева (последний —

генерал армии, бывший начальник Генштаба и первый заместитель министра обороны СССР). Эти более чем сведущие государственные мужи утверждают: «Вероятность крупномасштабного вооружённого конфликта между великими державами и их союзниками в современных условиях глобализации и многополярности близка к нулю» и «ядерное сдерживание бессильно против новых угроз XXI века: распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, международного терроризма, этнических и религиозных конфликтов, трансграничной преступности и пр.»

Статья озаглавлена — «От ядерного сдерживания к общей безопасности», и не о том ли писал Солженицын в 1973 году: «ЭТА ВОЙНА ВООБЩЕ НЕ ДОЛЖНА СОСТОЯТЬСЯ! НЕ ставить задачу выиграть ту войну, ибо выиграть её никому не возможно, но — ИЗБЕЖАТЬ ЕЁ!» Учитывая, что противоборство Китая и СССР в конце 1960-х велось за главенство в мировом коммунистическом движении, Солженицын призывал: «Отдайте им эту идеологию! Пусть китайские вожди возгордятся этим короткое время».

Так и случилось, а летом 1989 года расстрелом на площади Тяньаньмынь в Пекине китайское — уже не маоистское — руководство взвалило на себя роль главного проводника коммунистической идеологии в современном мире. Вооружённого конфликта между нашими государствами не произошло. Но угрожает ли реально Китай России сегодня?

В России бытует мнение об угрозе ползучей демографической интервенции китайцев, иногда звучат опасения насчёт потери Россией Дальнего Востока. По имеющимся данным, сейчас китайцев в России — от 200 до 600 тысяч. [4] Для сравнения — численность постоянного населения одного лишь Калининского района Санкт-Петербурга — 460 тысяч человек.

Но... настольной книгой наиболее активной части населения КНР стала книга «Китай может сказать „нет“» с подзаголовком «Политический и эмоциональный выбор, стоящий перед нами в период после окончания холодной войны», написанная пятью авторами. Там, в частности, говорится: «В международных вопросах следует отстаивать справедливость, политике гегемонизма и грубой силы, проводимой США и другими западными государствами следует сказать „нет“». И ещё: «Китай должен следовать по социалистическому пути». В качестве достаточного называется ежегодный экономический рост ВВП в 8%, что оставляет в повестке дня для Китая первостепенный вопрос — об источниках энергии.

Только что появилась и другая книга — сборник статей, написанных другими пятью авторами — «Китай не испытывает радости», выдержавшая с марта прошлого года пять изданий. Это книга — о будущем Китая в наступившем XXI веке. Там куда больше конкретики. «Только рост производства есть основа развития государства». При внешне бьющих в глаза антиамериканизме сборника и местами — комплиментарных высказываниях по адресу Советского Союза и нынешней России главный вектор будущего — превращение Китая в лидера мирового сообщества. На по-

вестке дня — производство самолётов, осуществление космической программы, строительство ядерных подводных лодок, ракет и авианосцев. Один из авторов, Ван Сяодун, называет две исторических цели Китая: устранить в мире насилие, установить спокойствие, и — вторая — управлять большим количеством ресурсом, чем сегодня есть у Китая. А для этого — следует заключительный вывод — «мы должны руководить этим миром». И — следуя от деклараций к конкретике, авторы делают вывод: «НОАК так или иначе должна присутствовать там, где есть базовые экономические интересы Китая <...> Когда речь пойдёт о возможности голода для 1 миллиарда 300 миллионов человек, то следует забыть о высоких моральных принципах. <...> Китай, конечно, должен управлять в мире большими территориями, ресурсами. Я не говорю, — пишет автор, Ван Сяодун, — о присоединении территорий, а указываю лишь на руководство и управление. Я верю, что мы сможем лучше управлять, чем американцы и другие западные люди». [5] Что-то нам это напоминает, из арсенала тоталитарных идеологий XX века, не правда ли? И разве не точен взгляд А. И. из сорокалетнего прошлого: следить как за главным действующим лицом на мировой арене коммунистическим Китаем, «избравшим социалистический путь», всеми силами стараясь не допускать военного столкновения? Тут — ни убавить, ни прибавить.

IV

Наконец, о прогнозах относительно общей — нашей с Западом — перспективы — стать сообща жертвами нашей неумной страсти к поеданию планеты ради удовлетворения «всё возрастающих потребностей». Это звучало совершенно еретически в 1973-м, когда поздний капитализм в США и странах Европы функционировал на пике своих возможностей — именно на этом отрезке казалось, что окончательно утвердилась оптимальная экономическая модель, открывающая доступ едва ли не каждому в так называемый «средний класс» с воспринятым в качестве стандарта благоденствия набором предметов обладания (квартира, загородный коттедж, машина, «бонусы», счёт в банке). Да и в социалистическом СССР именно в эти годы на полную мощность забил сибирский нефтяной фонтан — кто не помнит «советского благоденствия 1967—1972 годов», когда мясо ещё было в городских магазинах (не только Москвы) и каждому инженеру средней руки была доступна летняя поездка в Коктебель, Прибалтику или в Закавказье... Ещё не начался исход из СССР в Израиль, а в Москву, Ленинград и Ростов наведалься оркестр великого Дюка Эллингтона. Советская технократическая «элита», группировавшаяся в ареале академика А. Д. Сахарова, возмечтала о конвергенции двух систем, и — как холодный неожиданный душ были восприняты слова А. И. Солженицына: «Весь “бесконечный прогресс” оказался безумным напряжением, нерасчитанным рывком человечества в тупик. Жадная цивилизация “вечного прогресса” захлебнулась и находится при конце. И не “конвергенция” ждёт нас с западным ми-

ром, но — полное обновление и перестройка и Запада, и Востока, потому что оба — в тупике».

И далее — ещё кусок текста из «Письма вождям...», провидчески определяющий из дальних семидесятих незавидные перспективы цивилизованных стран, поставивших целью «максимальное удовлетворение всё возрастающих потребностей». Учитывая выводы «Римского клуба» и «Общества Тейяра-и-Шардена», Солженицын возглашал: «“Прогресс” должен перестать считаться желанной характеристикой общества. “Бесконечность прогресса” есть бредовая мифология. Должна осуществляться не “экономика постоянного развития”, но экономика постоянного уровня, стабильная. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ НЕ ТОЛЬКО НЕ НУЖЕН, НО ГУБИТЕЛЕН. Надо ставить задачу не увеличения природных богатств, а лишь сохранения их. Надо срочно отказаться от современной технологии гигантизма — и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в расселении (нынешние города — раковые опухоли) <...> “Третий мир”, ещё не ставший на гибельный путь западной цивилизации, может быть спасён лишь “раздробленной технологией”, требующей не сокращения ручного труда, но увеличения его, техники самой простой и основанной только на местных материалах».

От этих строк, воспринимавшихся технократами конца XX века как мракобесие, захватывало дух и у верных единомышленников Солженицына. Но именно в провозглашении курса на неограниченный экономический рост были едины и капиталистический Запад, и коммунистический Советский Союз. В учебнике «Политическая экономия социализма» утверждалось: целью экономического развития СССР является максимальное удовлетворение всё возрастающих потребностей советского народа. Этот тезис даже кое-где преподносился в качестве основного закона социализма! Такая — трижды ложная — цель экономического прогресса сохраняет и сегодня свою железобетонную несокрушимость.

«Указанные группы учёных, — продолжал Солженицын, — провели компьютерные расчёты по разным вариантам экономического развития — и ВСЕ варианты оказались БЕЗНАДЁЖНЫ, предвещая катастрофическую гибель человечества между 2020 и 2070 годами, ЕСЛИ ОНО НЕ ОТКАЖЕТСЯ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА...<...> Даже если последующими разведками запасы (ресурсов — Г. В.) окажутся и вдвое и втрое больше известных ныне, и если *вдвое* увеличится производительность сельского хозяйства и подчинена будет человеку неограниченная ядерная энергия — ВО ВСЕХ СЛУЧАЯХ В ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ XXI ВЕКА ДОЛЖНА НАСТУПИТЬ МАССОВАЯ ГИБЕЛЬ НАСЕЛЕНИЯ, — если не от остановки производства (конец ресурсов), то от избытка производства (гибель среды) — во всех случаях».

Идеологии неограниченного роста потребления (капитализм) или максимального удовлетворения всё возрастающих потребностей (советский социализм) равно непригодны в наше время, когда баланс между репродуктивными возможностями природы и расту-

щими аппетитами человечества оказался необратимо нарушен. Ещё Олдос Хаксли в своём романе «Контрапункт» устами одного из персонажей романа (Филипп Куорлз) говорил: «Инстинкт приобретения знает... больше извращений, чем половой инстинкт. Во всяком случае, страсть к деньгам принимает у людей более причудливые формы, чем даже любовь <...> Ни один человек не бывает непрерывно поглощён половой жизнью — очевидно, потому, что в половой жизни возможно физиологическое удовлетворение, а когда дело касается денег, оно невозможно. Когда тело насыщено, оно перестает думать о еде или женщинах. Но жажда денег — явление чисто психологическое. Здесь невозможно физиологическое удовлетворение. Это объясняет излишество и извращённость в вопросах приобретения.<...> Говоря об извращении, мы подразумеваем некоторую норму, от которой оно является отклонением. А какова норма в вопросах приобретения?» [6]

И вновь — Солженицын: «Нет, мы должны были протащиться всем западным буржуазно-промышленным и марксистским путём, чтобы в конце XX века узнать, опять-таки от передовых западных учёных, то, что искони понимал любой деревенский дед на Украине или в России и мог бы давно-давно растолковать передовым публицистам, если бы те в своем запале нашли бы время поконсультироваться с ним: что не может дюжина червей *бесконечно* изгрызть одно и то же яблоко, что если земной шар *ограничен*, то ограничены и его пространства, и его ресурсы, и не может на нём осуществляться *бесконечный, безграничный прогресс*, долбленный нам в голову мечтателями Просвещения».

В начале петровской модернизации в России насчитывалось 12 миллионов жителей — теперь — в 12 раз больше. Раньше и бояре, и петровские вельможи могли позволить себе тратить трудом заработанные деньги на свои прихоти — драгоценности, неписанный диктат моды, кутежи и карточные проигрыши, но численность этих «прожигателей жизни и состояния» была невелика — в процентах — не более одной тысячной %, т. е. из 12 миллионов — чуть более сотни. Сегодня российские миллионеры и миллиардеры — класс численностью под миллион душ. Пример бессмысленного растрачивания денег, отнятых — чаще всего у природы (углеводороды, лес, алмазы) — новое хобби наших «новых русских» и заморских финансовых королей — «красивые» номера на личных иномарках, — с тремя семерками или из одних единиц. «В Москве стоимость красивого номера может достигать до 10 тысяч долларов. <...> В 2007 году в Абу-Даби был куплен номер с единственной цифрой «5» за рекордную сумму в семь миллионов долларов» [7] Цены продолжают расти... А выезды иных олигархов в Куршевель со своими гаремами?.. Золотые унитаза в коттеджах Рублевки?..

Сегодня на Мировом общественном форуме «Диалог цивилизаций», прошедшем на о-ве Родос, критике подверглась не сама экономическая система, а порождающий её потребительский настрой граждан стран

«золотого миллиарда». Выступавшие говорили, что «консюмеризм, охвативший сегодня Западную Европу и Америку, и активно продвигающийся в Юго-Восточную Азию, грозит человечеству скорым и неизменным крахом». [8]

Экономический рост и непомерное возрастание потребительских appetitов вызывают беспокойство даже у таких верных защитников национальных интересов Америки, как бывший советник Президента США по госбезопасности Збигнев Бжезинский: «Американцы должны сознавать, что их стандарты потребления скоро придут в столкновение со всё более эгалитарными устремлениями. Так или иначе, но эксплуатация естественных ресурсов, непомерное потребление энергии, безразличие к глобальной экологии, как и непомерные размеры жилищ для состоятельных людей, пристрастие к самоудовлетворению и удовольствиям свидетельствуют о безразличии к лишениям, которые испытывает большинство людей мира. Попробуйте представить себе мир, в котором 2,5 миллиарда китайцев и индийцев потребляют на душу населения столько же энергии, сколько потребляют американцы». [9]

Вот лишь несколько конкретных сообщений, высвечивающих подлинную цену доктрины экономического роста. «Чтобы население всего мира могло жить так же, как американцы или канадцы, потребовалось бы... ещё два земных шара. А чтобы повысить во всем мире уровень жизни вдвое за ближайшие сорок лет, потребуется в целом двенадцать земных шаров». [10] Ещё несколько точных показателей «цены» экономического роста: «Чтобы произвести 1 литр апельсинового сока во Флориде, требуется 2 литра бензина и 1 000 литров воды» (там же, с. 84). «Чтобы обеспечить потребности одной среднестатистической американской семьи среднего класса, в течение года промышленность добывает, экстрагирует, перерабатывает, сжигает и сбрасывает почти 2 тысячи тонн материалов. В расчёте на одного человека — 500 тонн» (там же, с. 85). И ещё: «Количество отходов, возникающих при изготовлении полупроводникового микроципа, более чем в 100 000 раз превышает его вес; для портативного компьютера это соотношение близко к 4 000» (там же, с. 84).

О перспективе вскоре захлебнуться в собственных отбросах можно написать не одну книгу — сейчас лишь два бесспорных факта. Первый. «По данным программы по охране окружающей среды ООН на каждый квадратный километр Тихого океана приходится 13 тысяч пластиковых фрагментов». <...> Как известно, на земле нет микроорганизмов, которые разлагали бы пластик. <...> При сжигании пластика образуется один из самых опасных ядов.<...> На акватории Тихого океана между Гавайскими островами и Калифорнией в конце XX века было зафиксировано плавающее, напоминающее остров громадных размеров — под поверхностью воды — пятно, — огромное число кусочков и частиц пластика. Тут же — гниющие водоросли, трупы животных и птиц. Аналогичный «пластиковый суп» — в Атлантике, на берегу Саргассо-

ва моря. Пластик образует базис инфраструктуры современного общества потребления». [11]

Второй факт — нарастающее загрязнение природной среды нефтью и сопутствующими углеводородными смесями. «Начиная с 1975 года (а «Письмо вождам...» датировано сентябрём 1973-го! — Г. В.) в мире произошло около 60-ти серьёзных аварий на морских нефтеплатформах». [12] Катастрофа на нефтяной платформе в Мексиканском заливе 22 апреля минувшим летом, стоившая жизни двенадцати нефтяникам, обернулась экологическим бедствием — выбросом в воды залива сотен тысяч тонн нефти с последующим дрейфом нефтяного пятна к востоку вплоть до побережья Флориды и многомиллиардными долларовыми убытками компании British Petroleum. Экологический ущерб, нанесённый Атлантике, ещё подсчитывается. Симптоматично, что это случилось ровно через три недели после того, как Президент США Обама снял двадцатилетний запрет на бурение нефтяных скважин на шельфе у берегов Америки! Академик Николай Лаверов сразу же напомнил, что на Сахалинском шельфе, где ведётся добыча газа, сейсмическая опасность в разы выше, чем в Мексиканском заливе.

Ещё в самом начале мирового финансового кризиса, на пике «разогрева мировой экономики» был опубликован доклад WWF «Живая планета 2008», где говорилось: «Уже сейчас нужды человека на 30 процентов превышают возможности нашей планеты». За последние 35 лет (как раз — с 1973-го!) произошло тридцатипроцентное сокращение численности почти в пяти тысячах популяций животного мира. «Самыми «вредными» странами, согласно докладу, являются США, Китай и Индия, экологический след которых в среднем вдвое превышает биопотенциал» [13] Всё сходится: США и Китай — мировые лидеры по объёму ВВП.

Неограниченный экономический рост уже сказывается на климате планеты.

И нельзя не подивиться совпадению: в сентябре 1973-го одновременно с отсылкой им «Письма вождям Советского Союза» дан был сигнал на Запад — печатать «Архипелаг ГУЛАГ». Сокрушая и ускоряя гибель пагубнейшей из утопий — марксистско-ленинской идеологии, он (в те же дни!) запустил часы, отсчитывающие время несокрушимой на те годы и якобы на все времена годной — системы мирового капитализма.

1. Воодушевлены, разочарованы, смущены. Обсуждение статьи А. И. Солженицына в интеллектуальном клубе «Свободное слово» 12 ноября 1990 г. Литературная газета. 15—21.09.2010.

2. Виражи и миражи суверенитета. Литературная Газета. 6—12.10.2010.

3. Как мы обустроили Россию?//Российская газета. 17.09.2010.

4. Борис Подопригра. Китайское задание на дом// Санкт-Петербургские Ведомости. 26.11.2010.

5. Владилен Буров. «Патриотизм с китайским разрезом». Литературная Газета. 17—23.11.2010.

6. Олдос Хаксли. Контрапункт. М., 2002. С. 309.

7. Александра Пономарева. Три веселых цифры// Известия. 27.10.2010.

8. Иван Максимов. Родос показал: времени у «золотого миллиарда» почти не осталось//Невское время. 15.10.2010.

9. Збигнев Бжезинский. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2007. С. 198.

10. Поль Хокен, Эймори Ловинс, Хантер Ловинс. Естественный капитализм. М., 2002. С. 84.

11. Василий Голованов. Эпоха антропоцена//Дружба народов. 10, 2009.

12. Юлия Шестоперова. Бурите на здоровье//Известия, 14.10.2010.

13. Марина Грицюк. Кто съел Землю//Российская газета. 30.10.2008.

ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

В. С.

Злободневный Освальд Шпенглер

Есть авторы, имена которых известны всем; культурный читатель осиливает подчас и главные их произведения. Этим, по тем или иным причинам, и ограничивается знакомство с ними публики. Между тем, и «второстепенная» часть их творчества представляет огромный интерес.

Имя автора «Заката Европы» прогремело в начале 20-х прошлого века — как раз тогда, когда нацизм силой загонял культуру к себе на службу. Лютер и Гёте, Ницше и Гельдерлин — все объявлялись предтечами светлого будущего. Речь шла, разумеется, не о тождестве идей — но о какой-то «стилистической» близости,

о некоей — подлинной или мнимой — общей духовной волне. И «воспитатель Германии» Освальд Шпенглер, казалось, вполне подходил на роль.

Мешали, однако, детали. Пересекаясь с фашизмом где-то в туманных далях, практики его культурная элита принять не могла. И позиция Шпенглера оказалась одной из самых резких.

Шпенглера пытаются приручить, Геббельс уговаривает философа с мировым именем поддержать фюрера. Ответом — резкий отказ. Пытаются критиковать: сам Гитлер клеймит мыслителя за «недооценку расового момента». «Фюрер прочёл “Закат Европы” в объёме

всего титульного листа», — щелчком по носу отмахивается философ. Имя вчерашнего «воспитателя Германии» Геббельс запретил упоминать в печати. Такой компромиссный выход нашла загнанная в тупик власть.

«Ну, пусть не фашист. Пусть что-то около. Всё равно: дыма без огня не бывает». Идеи культурфилософа были этой обывательской мудростью надёжно блокированы. А десятилетия шли и шли; и дым, и огонь уже

мало кого интересовали. Но что существенного для прекрасного нового мира мог изречь одинокий мыслитель век назад?

Ниже мы помещаем отрывки из небольшой работы философа. Важны ли, актуальны ли высказанные в ней мысли в наши дни? Мы с трудом удержались от маленького розыгрыша: слегка изменив реалии в тексте — поставить под ним сегодняшнюю дату...

Освальд Шпенглер

Англичане и пруссаки

ИЗ РАБОТЫ «ПРУССКАЯ ИДЕЯ И СОЦИАЛИЗМ»

...Из духа викингов и монашеских орденов немецкого рыцарства медленно развились две прямо противоположные нравственные заповеди. Одни несли в себе германскую идею, другие чувствовали её как что-то сверхличное: *личная независимость и сверхличная общность*. Ныне их называют индивидуализмом и социализмом. Под этими словами подразумеваются добродетели высшего порядка: в первом случае — ответственность за свои действия, самоопределение, решительность, инициатива; во втором — верность, дисциплина, самоотверженность, самоотречение, самовоспитание. Быть свободным и служить — нет ничего труднее того и другого, и народы, дух и бытие которых основаны на одном из этих свойств, народы, действительно умеющие быть свободными или служить, достойны великой судьбы. Служба — это проявление старопрусского духа, родственного старoisпанскому, который также выковал в рыцарской борьбе с язычниками этот народ. Не «Я», но «Мы», коллективное чувство, в котором каждое отдельное лицо совершенно растворяется. Дело не в человеческой единице, она должна жертвовать собой целому. Не каждый стоит за себя, а все за всех, с той внутренней свободой в высшем смысле — *liberatas oboedientiae* — свободой повиновения, которая всегда отличала лучших представителей прусского воспитания. Прусская армия, прусское чиновничество, рабочий класс Бебеля — всё это продукты этой воспитывающей идеи. Дух пиратов уже в позднее время увлёк в американские прерии всех тех, в чьих жилах текла ещё кровь викингов — англичан, немцев, скандинавцев; это было позднейшим продолжением путешествий в Гренландию времен Эдды, во время которых в 900-х годах уже достигались канадские берега, — грандиозное переселение германцев, обусловленное глубокой тоской по дали и безграничному простору; отряды искателей приключений, от которых произошёл ещё один народ саксонского склада. Однако оторванный от родной почвы фаустовской культуры и потому лишённый «внутреннего базальта», по выражению Гёте, обладая старой работоспособностью и старой благородной кровью, народ этот не имеет корней, а потому и будущего.

Так сложились английский и прусский типы, это различие между народом, который развивался, чувствуя себя *островитянином*, и другим народом, который вынужден был беспрестанно охранять свою территорию, лишённую естественных границ и со всех сторон открытую для врагов. *В Англии остров заменил собой государственную организацию*. Страна без государственной организации была возможна лишь при этом условии. Это — первоисточник современной английской души, в которой в XVII веке пробудилось самосознание, именно, когда англичанин стал неоспоримым властелином на Британском острове. В этом смысле природа страны является *творческой*: англий-

ский народ создан сам, прусский же народ — создание Гогенцоллернов.

...Политические формы органически связаны с тем народом, который их создал; он носит их в крови, и только он их может осуществить. Политические формы сами по себе — это пустые понятия. Провозглашать их может каждый. Но воплотить их в жизнь, наполнив реальной действительностью, не властен никто. В политической жизни так же нет выбора; всякая культура и каждый отдельный народ какой-нибудь культуры ведёт свои дела и осуществляет своё предназначение в формах, которые с ним вместе родились и по существу неизменны. Философский спор о монархии и республике — пустое словопрение. Монархическая форма правления сама по себе не существует, как не существует формы облаков. Античная и западноевропейская «республики» — несравнимые вещи. Когда во время великого кризиса, конечный смысл которого всегда нечто другое, отнюдь не изменение формы правления, провозглашается монархия или республика, то это всегда только возглас, одно название, выкрик из мелодрамы, несмотря на то, что для большинства современников это является единственным понятным и тем, что способно воодушевить их.

В действительности же каждый народ после такого экстаза возвращается к *собственной* политической форме, для обозначения сущности которой в народе почти никогда не существует выражений. Инстинкт не выродившейся ещё расы настолько силён, что каждую форму правления, которую ему навязывает исторический случай, он очень скоро перерабатывает по своему, причём никому не приходит даже на ум, что от этой формы осталось одно лишь название. Не слова текста конституции, а неписанные и неосознанные правила, по которым она применяется, являются тем, что, собственно, следует называть формой правления. Безотносительно к какому-нибудь определённом народу понятие «республика», «парламентаризм», «демократия» — лишь пустые термины.

Так, например, «парламентарная форма правления» — специфически английский продукт; и без общих предпосылок викингского характера англичан, островного положения Англии и многовекового развития, которое совершенно слило этический склад этого народа с его способом вести дела, парламентаризм не может быть внедрён в жизнь другого народа, как невозможно подражать его методам, хоть скольконибудь рассчитывая на успех. Парламентаризм в Германии — или бессмыслица, или измена. Англия сделала бессильными все государства, которым она в виде лекарства привила яд собственных политических форм. Наоборот, Англия потеряла бы способность к плодотворной политике, если бы окончательное развитие западноевропейской цивилизации, обнимающей ныне весь земной шар, привело к тому, что такая форма правления стала бы вообще невозможна. Английский социализм был бы предательством для Англии, если бы он уничтожил парламентаризм. Речь идёт о свободном обществе частных лиц, которым островное положение их страны дало возможность от-

казаться от государства в собственном смысле; при помощи флота с наёмным экипажем и бесконечного ряда войн, который Англия за плату вела посредством других государств и народов, ей удалось до 1916 года сохранить эту формальную предпосылку своего политического существования. Этот безгосударственный парламентаризм заранее предполагает прочную систему двух партий, взаимоотношение которых, организация, практика, интересы, настроение, права и дух именно таковы и ни в коем случае не могут быть иными.

...Ибо глубочайшая сущность этой политики в том, что это чисто деловая политика пиратов, независимо от того, находятся ли у власти тори или виги. То, что и те и другие — прежде всего джентльмены, члены того же избранного общества с его достойным удивления единством жизненного уклада, прежде всего делает возможным, что несмотря на возникающее времянами ожесточённое соперничество, крупные дела решаются в частных разговорах и частной переписке; таким образом, здесь происходит многое, в чём лишь тогда признаются, когда достигнутый успех оправдывает средства, и что в каждой другой стране света было бы испорчено шумом, поднимаемым непонятливыми, но твёрдыми в своих принципах народными представительствами. Английский партийный вождь ведёт дела своей страны тоже как частное лицо. Если его политические предприятия оказываются удачными, то, значит, это была «Англия», которая вела такую политику. Если же они хотя и приводят к успеху, но имеют в практическом или моральном отношении неприятные последствия, то вождь выходит в отставку, а страна с пуританской строгостью осуждает его частные дела, от последствий которых она, таким образом, отрекается, но вместе с тем благодарит Бога за милость, проявленную к Англии, в виде успеха этих дел. Всё это возможно только в том случае, если существенные интересы обеих партий не расходятся. Правда, тори свергли и заключили на острове Св. Елены Наполеона после того, как он распространил идеи вигов на континент, но Фокс отнюдь не был безусловным противником войны с ним. И когда Роберт Пиль в 1851 году утвердил окончательную победу кобденовой системы свободной торговли и таким образом предпочёл хозяйственное порабощение мира его превращению в военный протекторат, тори безусловно нашли и признали в системе вигов часть своих основных положений. Политика тори при Эдуарде VII привела к мировой войне, однако виги, противники войны, допустив в свою среду либеральных империалистов, молчаливо приготовились к этой возможности. Именно это «парламентаризм», а не то внешнее, не имеющее ценности и влияния, что ныне в Германии считается им: то есть распределение министерских портфелей между партийными вождями или широкая гласность парламентской техники. Окончательные решения партийных вождей остаются тайной даже для большинства членов парламента. Внешние события являются *fable convenue*, и образцовый такт обеих партий заботится о том, чтобы видимость народного са-

моуправления охранялась тем более тщательно, чем меньше реального значения имеет это понятие. Что партии, и прежде всего английские партии, являют собой часть народа, есть дилетантская бессмыслица. В действительности, если не считать государств, состоящих из нескольких деревень, осуществить что-либо в роде народоправства, управления через народ совершенно невозможно. Только безнадежно либеральные немцы верят в это. Правительственная власть во всех странах, куда проникли английские формы правления, находится в руках нескольких лиц, которые внутри партии благодаря своему опыту, превосходству воли и своей тактической ловкости занимают господствующее положение, и притом с диктаторской полнотой власти. Таким образом, возникает вопрос, каково соотношение между народом и партией, или какое, собственно, значение имеют выборы в государственной жизни Запада. Кто избирает, и что он избирает? Смысл английской системы состоит в том, что народ избирает *партию*, а не выразителя своей воли, более или менее подчинённой партийному руководству. Партии представляют собой крепко сплочённые, очень старые союзы, которые занимаются ведением политических дел общества, именуемого английским народом. Каждый англичанин в отдельности, хорошо понимая целесообразность такого устройства, поддерживает от выборов до выборов тех, чьи планы на ближайшие годы больше всего соответствуют его собственным мнениям и интересам. Он точно знает, как безразлична при этом личность депутата, назначаемого всецело по воле партии. Выражение *«голосующая скотина»*, безусловно, более подходит для среднего уровня депутатов, чем для их избирателей. Характерно, что рабочие очень часто голосовали не за рабочих кандидатов, а за предпринимателей, которых выставила кандидатами какая-нибудь старая партия. По их трезвому суждению, это было в данный момент выгоднее. В Америке, где за этой системой уже не скрывается истинный англичанин, выработался обычай, по которому партии представляют избирателям одну программу, а трестам, которые их содержат, — другую; одна из этих программ предназначается для опубликования, а другая для выполнения. Этим, наконец, затронут решающий вопрос, в каких формах в странах парламентского управления оплачивается политическая работа. Наивные мечтатели о демократических порядках не замечают, что ныне, когда все народы сознательно или бессознательно, по собственной воле или же нет, ведут политику интересов, от этой оплаты зависит не идея конституций, а, что гораздо важнее, дух их фактического применения. Эти мечтатели в своей беззаботности думают о вышине депутатского оклада. Но вопрос стоит иначе. Монархи эпохи барокко распоряжались по своему усмотрению государственными доходами. Современные партии только управляют ими. И это вопрос лишь целесообразности: обеспечивают ли себе представители крупных хозяйственных интересов избирателей, депутатов или партийные комитеты. Первое соответствует формам английского парламентаризма в XVIII веке и применя-

лось в крупном масштабе в виде покупки голосов. Ныне, когда тори и виги из высших классов с резко очерченным мировоззрением превратились в чисто деловые представительства, которые, в сущности, в редких случаях отличаются друг от друга только суждением о наиболее выгодной форме или моральной основе предприятия, это средство стало лишним: интересы их слились с интересами демократизированных партий. В анархической Франции, где под именем партий выступают клубы и личные группы, число и сила которых быстро меняются, оплата депутатов в более утончённой или более непосредственной форме стала правилом. Социалистические депутаты точно так же к услугам плутократии, и карьера французского парламентария избирается часто в уверенности через несколько лет приобрести себе замок. В Германии, где партии стараются показать народу свои идеологические программы, биржа подчинила себе либерализм, а крупная индустрия национал-либералов. Они оплачивают агитацию и отчасти, в виде обеспечения её объявлениями, прессу. Если Веймарской конституции суждено сохранить силу хотя бы в течение немногих лет, то депутатские кресла в интересах определённых партий можно будет приобретать по твёрдой цене. Зачатки этого уже ясно сказались при первых выборах.

Что демократия и всеобщая подача голосов являются испытанными методами капитализма, доказывают все страны, перенявшие у Англии эти формы. Если либеральный профессор приветствует Веймарскую конституцию как осуществление своих грёз, то деловой либерализм приветствует её как самый удобный и, быть может, самый дешёвый способ подчинить политику конторе, а государство — спекуляции.

Всё это служит отличительным признаком господства викингского духа в западной цивилизации, которая до сих пор была исключительно цивилизацией английской. Форма, в которой английский парламентаризм был навязан континенту и, в конце концов, всему свету, это «конституция, благодаря которой критика существующего правительства становится органической частью этого правительства. Однако *безгосударственный характер правительства*, которое английское общество создало, перешёл здесь во враждебный государству характер всех существующих конституций, воспринявших чужой, английский принцип. Поэтому стали необходимы суррогаты партий, воспроизводящих английский уклад с его превращением исполнительной власти в часть партийного главенства без истинного духа этого уклада; явилась необходимость в оппозиции, которая, при непрерывных трениях между верховной властью и партийным принципом или между партиями, вследствие весьма различного понимания ими партийного верховенства, действовала не органически созидательно, а разрушительно.

...Штейн и его воспитанные в духе Канта советчики думали об организации профессиональных сословий. В стране, где труд должен был стать общей обязанностью и содержанием жизни, люди различаются между собой по тому, что они производят, а не по то-

му, чем они владеют. Итак: местные профессионально-сословные корпорации, построенные соразмерно значению каждой профессии в народном целом, более высокие представительные органы вплоть до высшего государственного совета, мандаты, ограниченные постоянным правом отзывать представителей; следовательно, никаких организованных партий, никаких профессиональных политиков; никаких периодических выборов. Хотя Штейн и не высказывал прямо этих мыслей и, может быть, даже оспаривал бы их в этой формулировке, но они лежали, как зародыш, в основе предлагавшихся им реформ; и они были годны для проведения планомерной демократизации прусской системы в том духе, который соответствовал бы нашим собственным, а не английским и французским инстинктам, и который гарантировал бы отбор способных к осуществлению именно этой системы людей. В государстве должен быть государственный совет. Здесь то же соотношение, что между машиной и обученным инженером. Безгосударственность предполагает точно таким же образом организованные тайные советы отдельных партий; каждая из них должна быть в состоянии в любое время применить свой аппарат для управления страной. В Англии фактически два «совета рабочих депутатов», или коронных совета, вместо одного, — в этом смысл парламентаризма. (Избиратели не имеют ни малейшего влияния на состав обоих советов. Они решают лишь, какой из них должен править). В прусской системе нужен был бы только один совет с устойчивым составом. Вместо этого под впечатлением наполеоновских событий у нас стало господствующим преклонение перед английскими порядками. Гарденберг, Гумбольдт и другие были «англичанами». Вместо Канта руководителями стали Шефтсбери и Юм. Там, где было необходимо и возможно внести новый порядок изнутри, он был введён извне. Всё политическое ожесточение XIX века, безграничные бедность и бесплодность нашего парламентаризма в людях, мыслях, действиях, постоянная борьба между принципиально враждебной оппозицией и насильственным всеподавляющим гнётом — всё это происходит оттого, что народу, одарённому способностями для совсем иного, строгого и человечно глубокого порядка, навязан другой — тоже строгий и глубоко коренящийся в человеческой душе строй. Во всех крупных задачах, где старопрусская творческая сила свободно могла проявиться, как, например, в деле организации синдикатов и артелей, профессиональных союзов, в области социальной политики, она показала, что она в состоянии создать.

До какой степени чуждым остался парламентаризм прусскому, и с 1870 года немецкому народу, доказывает то равнодушие, с которым, несмотря на все старания прессы и партий, относился он к выборам и вопросам избирательного права. Очень часто, пользуясь своим избирательным нравом, выборщики выражали лишь неопределённый гнев, и ни в одной стране эти дни выборов в английском духе не дают столь ложной картины действительных настроений. Народ никогда не мог привыкнуть к этому чуждому ему способу «со-

трудничания» и никогда не привыкнет. Если англичанин не следит за работой парламента, то он делает это в сознании, что его интересы там хорошо соблюдаются. Но если это делает немец, то он делает это из чувства совершеннейшего равнодушия. Для него существенно только «равенство». Парламентаризм у нас всегда останется системой внешних условностей.

В Англии обе партии были неограниченными руководителями политики. Здесь же (в Германии. — *Ред.*) существовали налицо *государство* и партии, выступавшие только с критикой против него, основанные только ради парламентарного метода, тогда как в Англии метод этот развился из фактической организации торгового народа. С самого начала обнаружилось несоответствие между системой, которую хотели ввести, и той, которая была в действительности, между целью и действием метода, между понятием и сущностью партий. Английская оппозиция есть необходимая составная часть правительства; дополняя, она помогает в работе. Наша оппозиция — *действительное* отрицание не только противоположной партии, но и самого правительства. После устранения монархии дело совершенно не изменилось.

Характерно и указывает на силу национального инстинкта, что обе партии, которые можно назвать специфически прусскими, консервативная и социалистическая, никогда не теряли своей нелиберальной и антипарламентарной тенденции. Они *обе* социалистичны в высшем смысле и таким образом вполне соответствуют *обеим* капиталистическим партиям Англии. Они не признают частного и партийно-делового способа управления, они признают право целого руководить поведением отдельного лица в общих интересах. Если при этом одни говорят о монархическом государстве, а другие о рабочем народе, то это составляет разницу только на словах ввиду того, что здесь каждый должен трудиться и единичная воля должна каждый раз подчиняться общей воле. Эти обе партии под давлением английской системы были государством в государстве; они представляли согласно своим убеждениям *государство* и поэтому вообще не признавали права на существование за другими партиями, кроме своей собственной. Это одно уже исключает парламентское управление. Они не отрекались от солдатского духа; они организовали замкнутые хорошо дисциплинированные батальоны избирателей, причём консерваторы были лучшими офицерами, а социалисты лучшими солдатами. *Обе партии* были построены на началах велеия и подчинения и обе одинаково понимали своё государство: государство Гогенцоллернов и государство будущего. Свобода в одном, точно так же, как и в другом, ничего общего не имела с английской свободой. Глубокое презрение к сущности английского парламентаризма, к определению ранга на основании богатства или бедности, проходит через всю их, менее всего парламентарную, деятельность. Они обе презирали прусскую избирательную систему с её озлобляющим подразделением на богатых и бедных; причём консерваторы, признавая её пригодным средством, всё же по существу презирали всякую из-

бирательную систему, построенную по английскому образцу, ибо они знали, что это неизбежно ведёт к плутократии. Тот, кто в состоянии оплачивать такую систему, пожинает её плоды...

И, наконец, немецкая англомания духа сложилась в партию с тем, чтобы бороться за истинный парламентаризм как принцип, идею, вещь в себе с тем усердием, которое свойственно только людям, проникнутым одним мировоззрением. Наполеон был для них носителем свободолобивых идей. Они выказывали своё «настроение» всюду, где англичане проявляли свои таланты и опыт. «Точка зрения» является их символом. Когда собираются вместе три либерала, то они основывают новую партию. Это их понятие об индивидуализме. Они не могут, даже при вступлении в кегельный клуб, обойтись без того, чтобы не поставить на обсуждение вопрос об изменении устава. Так как в Англии господствует безгосударственный порядок официальных дел, их возмущение вызывает каждое проявление авторитета государством. В социализме они также ненавидят его авторитарные конечные цели. Это «бюргерство» — специфически немецкое явление. Его не следовало бы смешивать с французской буржуазией, и ещё менее с английским средним классом. Высокий стиль английского либерализма ему не подходит. *Quod licet Iovi non licet bovi* (Что позволено Юпитеру, не позволено быку (лат.)).

Под сюртуком свободомыслящего немца жива ещё частица души старых имперских городов, которая поднимает болезненный протест против явлений современной цивилизации, она собирает вокруг себя обширную литературу, при помощи которой в английские жестоко-реалистические идеи вталкивается нечто трансцендентное и идеальное — в каждой книге иное, — без чего нельзя было бы защититься от столь же неромантической жестокости прусских идей. И это политически безвредное, неспособное ни к какой организации свободолобие, этот немецкий либерализм собрал ныне в боевую партию, но он взял, как цель, из единства английской сущности одну лишь идею чисто хозяйственной диктатуры частного богатства без её нравственного содержания. И всюду, где на пути к независимости деловых предприятий стояла социалистическая идея прусского государства, либерализм этот стал в медленно подтачивающую, утомительную, убийственную оппозицию. Его дух, в конечном счёте, объединил «Англию внутри» партий большинства в революцию 1917 года, которая обеспечила, разрушив государство, окончательную победу внешней Англии, воплощённой в державах Антанты. Он требует чистого парламентаризма не потому, что он стремится к свободному государству, а потому, что он не хочет иметь никакого государства и знает так же хорошо, как Англия, что предрасположенный к социализму народ, переодетый в чужое платье, теряет дееспособность. «Сверхгосударственная» идея мирового гражданства немецкого Михеля вполне подходит ему. Пусть либерализм смеётся над «сверхгосударственностью» как целью, она годится ему, как средство. Он поручает играющему мировым гражданством профес-

сору кафедру и писание фельетонов, а парламентскому дилетанту — ведение политики «за чертой» и в зале заседаний. На этой паре едет он к цели — к законченному воплощению английской идеи. Социализм потерпел в немецкой революции своё самое тяжёлое поражение, противники довели его до того, что он обратил своё оружие против самого себя.

Тем не менее, обе великие мировые идеи продолжают, как и прежде, стоять друг против друга; диктатура денег и организации, мир как добыча и как государство, богатство и авторитет, успех и призвание. Обе социалистические партии Германии должны объединиться против этого врага общей им идеи, против внутренней Англии, капиталистически-парламентарного либерализма. Социалистическая монархия — ибо авторитарный социализм монархичен, самая ответственная должность в грандиозном организме, *место первого слуги этого государства*, по выражению Фридриха Великого, не может быть отдано в распоряжение частного карьеризма — такова идея, которая медленно созрела в мире фаустовского человечества и издавна воспитывала для себя особый человеческий тип. (Лассаль в 1862 году в своей статье «Что делать теперь?» требовал соединения прусского монархизма и рабочего класса для борьбы против либерализма и английской теории слабого государства, превращающей его в «ночного сторожа».) Это единство, в котором каждый, в зависимости от своей *социалистической* ценности, своего таланта в области добровольной дисциплины на основе внутреннего превосходства, своих организационных способностей, добросовестности и энергии, своего чувства духовной общности с другим, становится на подобающее ему место; здесь введена всеобщая трудовая повинность и, в связи с ней, профессионально-сословный строй, который одновременно служит делу управления и вместо парламента возглавляется высшим административным советом, в котором принимают участие все: офицеры, чиновники, крестьяне, рудокопы, и который можно было бы назвать также советом рабочих депутатов.

На другой стороне стоит мировая капиталистическая республика, т. к. Англия — это республика; ибо республика в *настоящее* время означает: правление посредством частного лица, которому везёт в делах, которое может оплатить своё избрание и своё влияние, и признание земной поверхности охотничьим участком тех, кто стремится стать богатым и требует свободы единоборства. На этом, наконец, объединяются обе *капиталистические партии*, тори и виги, против «внутренней Пруссии», воплощённой в истинном социализме, за который там стоит рабочий класс; и следует вспомнить, что в Англии труд считается несчастьем. Это означает крушение парламентаризма, который не может работать при трёх партиях. В старой Англии богатый боролся с богатым, одно мировоззрение с другим внутри высшего класса. Теперь богатый борется с бедным, Англия — с чем-то иным. Но благодаря этому парламентаризм, как политическая форма, *стал непригодным*, в этом не может быть

сомнения. В Англии он уже шёл к упадку, когда немецкая глупость его перенесла на нашу почву.

Он пережил своё лучшее время до эпохи Бисмарка. Он был старой, зрелой, благородной, бесконечно утончённой формой; чтобы владеть ею в совершенстве, необходим был весь такт английского джентльмена хорошего происхождения. Обусловливалось это вполне понятным единодушием в столь многих вопросах, что разногласия не подвергали опасности вежливость. Парламентская борьба напоминала хорошую форму дуэли между аристократами. Это было то же, что со старинной музыкой от Баха до Бетховена, которая покоилась на совершенной музыкальной культуре. Когда эта культура стала менее строгой, музыка сделалась варварской. Никто ныне не может создать фуги старинного стиля с её былой лёгкостью и самодовлеющим господством всех правил, соединяя их в одном движении. То же происходит с подобной фуге парламентской тактикой. Более грубые люди, более грубые вопросы — и всё кончено. Дуэль превращается в драку. С людьми старого закала уходят в прошлое и прежние институты, испытанные формы, такт. Новый парламентаризм будет представлять собой борьбу за су-

ществование в необузданных формах и с гораздо худшими результатами. Соотношение между главарями партий и партиями, между партией и народом становится всё грубее, явственнее, менее прикрашенным. *Это начало цезаризма.*

Примечание составителя

«Партия по самой своей сути есть коррупция. Дело ещё ладится, пока разные партии не спускают друг с друга глаз. Одна партия, лишённая контроля, — это коррупция, распущенность и ничего больше. Она подавляет каждый намёк на критику и правду в прессе, книгах, общественности...»

Так напишет позже ненавистник многопартийности. Демократия была очень плоха. Альтернатива оказалась много хуже.

Беда, когда острая критика, подобная шпенглеровской, становится руководством к действию. Но беда и тогда, когда мыслящая часть общества без критики поклоняется вынужденно необходимым понятиям и институтам. И путает общественную свободу — с далеко не достаточными условиями её.

В. С.

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Дмитрий Соколов

Каратель с врачебным дипломом

Создатель «лагерей смерти»

Вершиной кровавого безумия Кедрова стала масштабная бойня на Севере России, учинённая им в начале 1920 года. Из-за природных условий — замёрзшего моря и отсутствия дорог — белое командование не сумело наладить эвакуацию, в результате покинуть страну сумели лишь 2 500 человек. Остальные — более 20 000, угодили в плен. Многим из этих людей предстояло в самое ближайшее время погибнуть.¹

Первые массовые расправы над пленными произошли сразу же после капитуляции последних частей Белой армии. Так, из полуторатысячного отряда офицеров, пытавшихся пешим порядком уйти из Архангельска в Мурманск, более 800 были расстреляны почти сразу. Случилось это 28 февраля 1920 г.

Других военнопленных поместили в созданный в Архангельске концентрационный лагерь, где стали истреблять постепенно и планомерно. Одновременно город и прилегающие окрестности захлестнули обыски и аресты среди гражданского населения. На уничтожение обрекались не только лица непролетарского происхождения — сёстры милосердия, священники, предприниматели, инженеры, врачи, но и крестьяне, симпатии которых на Севере в годы Гражданской войны были в основном на стороне белых.

¹ Окончание. Начало в предыдущем номере.

Не мог обойти вниманием Кедров и свой «любимый» контингент — детей. Как вспоминали очевидцы, в Архангельске было много расстрелов мальчиков и девочек 12—16 лет. Практиковались и публичные казни — днём, на площади возле канатного завода Клафтона. Но спустя время всё же сочли, что прилюдно творить такие дела не стоит, и выбрали другое место для экзекуций.

Именно тогда Кедров выступил в роли организатора первых советских концентрационных лагерей в Архангельской губернии. В автобиографии, находящейся в его личном деле, начальник Особого отдела писал о себе: *«1919 год. С января Председатель Особого отдела ВЧК, образовавшегося из слияния военного отдела ВЧК и военного контроля РВСР (члены Коллегии: Павлуновский и Эйдук). Член ВЦИК. По совместительству: член коллегии НКВД, заведующий лагерями принудит. работ Республики... 1920 год. С мая месяца полномочный представитель ВЧК по Архангельской (освобожд. от белых), Вологодской и Северо-Двинской губернии. Член коллегии НКВД (организатор Холмогорского, Пертоминского, Соловецкого лагерей)»* (выделено мной. — Д. С.).

Созданные Кедровым концентрационные лагеря не были предназначены для временного содержания арестованных или отбывтия наказания. **По сути своей, они являлись лагерями уничтожения, на целые десятилетия предвосхитившими своим появлением нацистские «фабрики смерти».**

Наиболее страшным был Холмогорский концлагерь. Именно здесь, по многочисленным свидетельствам современников и сохранившимся документам, происходили самые массовые расстрелы. Казни совершались по приказу и при личном участии Кедрова. Собрав в Архангельске партию в 1 200 офицеров, начальник Особого отдела погрузил их на две баржи, и когда они пришли в Холмогоры, приказал открыть огонь из пулемётов.

«Здесь, на берегу, их и расстреляли, — вспоминала почётная гражданка Архангельска, Ксения Гемп. — Часть трупов толкнули в реку, а часть зарыли». Всего в результате этой варварской акции погибло до 600 человек.

Массовые казни на Севере шли всю весну и лето 1920 г., так что к началу сентября Архангельск называли «городом мёртвых», а Холмогоры — «усыпальницей русской молодёжи».

С подачи Кедрова северные лагеря стали местом, куда со всей страны свозили пленных белогвардейцев и казаков. Партию таких заключённых, доставленных с юга, численностью более 2 000 человек, казнили в первых числах сентября в Холмогорах в «день красной расправы» — годовщину советского декрета «О красном терроре».

Важно отметить, что созданные Кедровым «конвейеры смерти» продолжали функционировать и после отбывтия «прославленного чекиста» в Тамбовскую и Воронежскую губернии, для подавления вспыхнувших там крупных крестьянских восстаний.

Только в Холмогорском концлагере и только в январе–феврале 1921 г. были убиты 11 000 человек. Расстрелы продолжались и в марте–апреле. Так, по приказу Дзержинского в районе Холмогор казнили свыше 400 офицеров и генералов. Наравне с чекистскими пулями, заключённых во множестве уничтожали болезнями, голод и холод. Даже сейчас в Холмогорах находят человеческие кости и черепа. В июле 2010 г. на месте массовой гибели тысяч людей был установлен памятный крест...

«Безвинная жертва репрессий»

Слухи о сумасшествии Кедрова в партийной среде ходили давно, но в страшные годы Гражданской войны подобные «мелочи» мало интересовали кремлёвских владык. Однако в дальнейшем неуправляемые маньяки перестали быть нужными власти. Складывающаяся система тоталитарного государства испытывала потребность в убийцах иного типа — бесстрастных, предсказуемых и послушных. Как следствие, после сворачивания «военного коммунизма» некоторые палачи эпохи «красного террора» отправились на «заслуженный отдых». Были среди них и такие, кто завершил свою карьеру стенкой в расстрельном подвале или помещением в психиатрическую больницу.

Не стал исключением и Кедров. В 1922 г. его отправили лечиться в Норвегию. Согласно одной из версий, случилось это после того, как «несгибаемый большевик-ленинец» приказал своим подчинённым открыть огонь по группе ребятишек, спешащих на занятия в школу.

История не сохранила подробностей о пребывании Кедрова в клинике для душевнобольных, но, видимо, полтора года лечения всё же пошли ему на пользу.

Начиная с 1924 г. Кедров занимает различные руководящие должности: в 1924—1925 гг. работал в Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ) и Наркомате здравоохранения, одновременно был главным редактором Всесоюзной газеты «Кто кого?»; в 1926—1927 гг. — помощником прокурора отдела военной прокуратуры Верховного суда СССР. В 1926—1931 гг. возглавлял Красный спортивный интернационал; в 1928 г. был председателем оргкомитета Всемирной спартакиады в Москве... Как сообщает Иван Виктор, автор биографической книги о Кедрове «Подпольщик. Воин. Чекист» (М., 1963), Михаил Сергеевич «проявил себя» и здесь, «с присущей ему страстностью и непримиримостью» развернув активную борьбу против «раскольнической политики врагов в спортивном движении».

В 1931—1934 г. Кедров был членом Президиума Госплана СССР, руководил сектором обороны, затем отделом науки и техники; с 1934 г. — работал директором Военно-санитарного института, а в 1936—1939 гг. — старшим научным сотрудником Нейрохирургического института.

Однако чекистские «заслуги» Михаила Сергеевича длительное время оставались без поощрения. В Гражданскую войну Кедров не заработал ни единой награды, и это его весьма огорчало. Лишь

в 1927 г. он получил заветный орден Красного Знамени. Его, вместе с другими своими регалиями (значками Почётного чекиста к 5-летию и к 10-летию ВЧК) Кедров впоследствии с гордостью носил на своей гимнастёрке.

Чекистская карьера Михаила Сергеевича нашла продолжение в одном из его сыновей. Пойдя по стопам отца, младший сын Кедрова, Игорь, сделался одним из самых жестоких «колольщиков» — следователей, которые при помощи издевательств, угроз и побоев получали от арестованных нужные показания.

Оставшийся в 1938 г. на Западе чекист Александр Орлов в опубликованной им книге «Тайная история сталинских преступлений» дал следующую характеристику сыну — Игорю Кедрову:

«Он был осторожен, замкнут, вечно поглощён своей работой. Не одарённый способностью к критическому мышлению, он воспринимал всё исходящее от партии и от начальства как непреложную истину». (Выделено мной. — Д. С.)

Однажды, раздосадованный поведением одного из подследственных, который сначала согласился признаться в том, что хотел убить Сталина, а после отказался от своих слов, Игорь пришел в исступление и закричал: «я задушю его собственными руками!».

При этом, свидетельствует Орлов, «Кедров вёл себя так, словно <...> лишился чего-то самого ценного в жизни, точно он был жертвой <...>, а не наоборот».

«Я с удивлением смотрел на него, — продолжает Орлов, — и внезапно увидел в его глазах то же фосфорическое свечение и те же перебегающие искорки, какими сверкали глаза его безумного отца».

В книге известного советского невозвращенца приведено ещё одно свидетельство жестокости Кедрова-младшего:

«...Берман (первый заместитель начальника Иностранного отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. — Д. С.) рассказал Слуцкому (начальник Иностранного отдела ГУГБ НКВД СССР. — Д. С.) и мне, что несколько дней назад он и другие сотрудники бросились к кабинету Кедрова, услышав дикие крики, доносившиеся оттуда. Они застали Кедрова вне себя: разъярённый, он обвинял заключённого — это был Фридлянд, профессор ленинградского института марксизма-ленинизма — в попытке проглотить чернильницу, стоящую у него на столе. “Я остолбенел, — рассказывал Берман, — увидев эту самую чернильницу — массивную, из гранёного стекла, размером в два мужских кулака... “Как вы можете, товарищ Кедров! Что вы такое говорите!” — бормотал Фридлянд, явно запуганный следователем. Тут мне пришло в голову, — продолжал Берман, — что Кедров помешался. Если б вы послушали, как он допрашивает своих арестованных, без всякой логики и смысла, — вы бы решили, что его надо гнать из следователей... Но некоторых он раскалывает быстрее, чем самые лучшие следователи. Странно, — похоже, он имеет какую-то власть над ними...» (Выделено мной — Д. С.)

Освящение памятного креста на месте Холмогорского лагеря.
Июль 2010 г.

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая карьера Игоря Кедрова и его влиятельного отца, если бы после устранения своих основных политических конкурентов Сталин не переложил ответственность за творившийся в стране произвол на плечи непосредственных исполнителей. Среди работников карательных органов были найдены «козлы отпущения» — следователи и участники «троек», во множестве фабриковавшие дела по обвинению в шпионаже и выносившие расстрельные приговоры. Препжний нарком НКВД, Николай Ежов, как и его предшественник — Генрих Ягода, был отстранён от занимаемой должности, впоследствии арестован и приговорён к смертной казни.

Новым главой чекистского ведомства стал Лаврентий Берия. Это назначение не предвещало для Кедрова ничего хорошего. Ещё в 1921 г., работая на Кавказе, Михаил Сергеевич выявил многочисленные нарушения со стороны Берии, бывшего в ту пору председателем Азербайджанской ЧК. Составив по этому поводу докладную записку, Кедров направил ее Дзержинскому, однако благодаря заступничеству Микояна, Орджоникидзе и Сталина дело не получило развития.

Теперь, когда Берия стал полновластным наркомом внутренних дел, соратник Дзержинского испытывал серьёзные опасения. Не было уверенности, что новый руководитель НКВД не попытается разделаться со своим недругом, припомнив ему давние счёты.

Надеясь на поддержку вождя, Кедров решил нанести удар первым...

В начале 1939 г. бывший чекист посоветовал своему сыну Игорю и его сослуживцу и другу Владимиру Голубеву написать и отнести в приёмную Сталина письмо, в котором сообщалось о якобы обнаруженном ими заговоре в органах государственной безопасности, возглавляемом Берией. Копию письма передали Матвею Шкирятову, заместителю председателя Комиссии партийного контроля.

Реакция на это сообщение последовала незамедлительно. Однако она была совсем не такой, как хотелось бы Кедровым.

В конце февраля 1939 г. Игорь вместе с товарищем были арестованы. 21 января 1940 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осуждены к высшей мере наказания и 25 января расстреляны.

Узнав об аресте сына, Кедров лично обратился к вождю с письмом, в котором поведал о своей давнишней записке на имя Дзержинского, а также о том, что «НКВД стремится изолировать себя от партии», и Берия намеренно уничтожает накануне войны «лучшие партийные и военные кадры».

Когда арестовывали, расстреливали и сажали других, старый чекист находил это правильным. Но после того как точно такая же участь постигла одного из его сыновей, Кедров воспринял случившееся как «страшную несправедливость»:

«Я не могу допустить мысли, чтобы партиец репрессировался за использование своего неотъемлемого права обращаться с любыми заявлениями во все партийные организации, вплоть до ЦК».

Сталин, однако, думал иначе. Ночью 16 апреля 1939 г. за Кедровым пришли люди в форме.

После ареста бывшего руководителя Особого отдела поместили в Сухановскую тюрьму. Организованная Берией на территории Свято-Екатерининского монастыря, Сухановка (также именуемая Спецобъектом 110) предназначалась для содержания особо важных политических узников. Первым «контингентом» тюрьмы стали сотрудники высшего и среднего звена НКВД во время «ежовщины», а также сам «железный нарком». Располагалась Сухановка неподалеку от печально знаменитого Бутово — места, где в годы Большого террора в основном и приводились в исполнение смертные приговоры по делам, проведенным «тройкой» УНКВД по Москве и Московской области.

По описанию очевидца, тюрьма производила весьма мрачное впечатление:

«Это был ряд каменных мешков по обе стороны коридора, без естественного освещения, с тусклыми лампочками под зачехленными решётками у высокого потолка. В камере железная койка, стул, стол, приклепанные к полу, и унитаз. Железная дверь с “очком” для наблюдения за арестованными и небольшим отверстием для передачи пищи, тоже с задвижкой снаружи. Арестованные могли пользоваться койкой только в “положенное” время, днём койка поднималась к стене и закрывалась на замок».

Производимые преимущественно по ночам, допросы заключённых сопровождался активным применением пыток. Поговаривали, что пыточный инвентарий для «Спецобъекта 110» специально заказали в нацистской Германии.

Подобно другим арестантам, 61-летнему Кедрову было суждено в полной мере испытать на себе все «прелести» бериевского следственного «конвейера».

«Из Сухановки, — поведал Михаилу Сергеевичу один из допрашивающих его следователей, — есть два выхода: признание или... на тот свет. Выбирай».

Угрозами и пытками бывшего чекиста пытались заставить признаться в шпионаже и «контрреволюци-

Освящение памятного креста на месте Холмогорского лагеря. Июль 2010 г.

онной деятельности», а также в том, что он... являлся агентом царской охранки, завербованным ещё до революции. Желая добиться от обвиняемого признательных показаний, энкаведистские следователи задействовали весь пыточный арсенал...

Кажется невероятным, но, несмотря на издевательства и побои, он виновным себя не признал.

«Категорически отрицаю предъявленные мне обвинения, — записано в протоколе допроса. — Заявляю, что вся моя жизнь и преданная работа в партии большевиков в течение 38 лет является убедительным опровержением предъявленных обвинений».

В промежутках между допросами Кедров забрасывал партийные инстанции слезными письмами, в которых настаивал на своей невиновности:

«Я преданный сын партии и не погибну в советской тюрьме с клеймом шпиона и изменника», — писал он в одном из обращений в ЦК ВКП (б).

Некоторое время спустя его перевели в Лефортовскую тюрьму. Режим содержания здесь был столь же жестоким, как и в Сухановке.

Спустя много лет, на XX съезде КПСС, в ходе своего доклада о культе личности Сталина, Никита Хрущёв зачитал письмо Кедрова из тюрьмы, адресованное его бывшему другу, секретарю ЦК ВКП (б), Андрею Андрееву:

«Из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы взываю к вам о помощи. Услышите крик ужаса, не пройдите мимо, заступитесь, помогите уничтожить кошмар допросов, вскрыть ошибку. Я невинно страдаю, поверьте. Время покажет. Я не агент-provocateur царской охранки, не шпион, не член антисоветской организации, в чём меня обвиняют, основываясь на клеветнических заявлениях. И никаких других преступлений в отношении Партии и Родины я никогда не совершал. Я не запятнанный ничем старый большевик, честно борющийся (без малого) 40 лет в рядах Партии на благо и счастье народа...»

...Теперь мне, 62-летнему старику, следователи угрожают ещё более тяжкими и жестокими и унижительными мерами физического воздействия. Они уже

не в состоянии осознать своей ошибки и признать незаконность, недопустимость своих поступков в отношении меня. Они ищут оправдания им в изображении меня злейшим, неразружающимся врагом и настаивают на усилении репрессий...

...но у меня нет выхода. Я бессилен отвратить от себя надвигающиеся новые тяжёлые удары. Всему, однако, есть предел. Я измотан вконец. Здоровье подорвано, силы и энергия иссякают, развязка приближается. Умереть в советской тюрьме с клеймом презренного предателя и изменника Родины — что может быть страшнее для честного человека. Какой ужас! Беспредельная горечь и боль сжимают судорогой сердце. Нет, нет! Это не случится, не должно случиться, кричу я. И Партия, и Советское правительство, и нарком Л. П. Берия не допустят свершиться той жестокости непоправимой несправедливости...»

Выводя эти строки, помнил ли Кедров о тысячах хладнокровно загубленных им в «порядке красного террора» в страшные годы Гражданской войны?..

Более двух лет пробыв в заточении, летом 1941 г. Кедров предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР. Известно, что сталинское правосудие в высшей инстанции, как правило, являлось спектаклем с заранее определённым финалом, но здесь... произошло небывалое! 9 июля 1941 г. обвиняемый был оправдан. Видимо, давнишние чекистские «заслуги» не были забыты режимом.

Но Берия имел на этот счёт иные соображения. Несмотря на оправдательный приговор, нарком НКВД дал личное распоряжение не выпускать Кедрова из-под стражи.

В октябре 1941 г., когда немецкие армии подходили к Москве, «героя Гражданской войны» в составе партии особо опасных преступников в количестве 22-х человек эвакуировали на поезде из столицы в Саратов, где в скором времени расстреляли.

Так окончил свой жизненный путь один из наиболее фанатичных и жестоких деятелей большевизма. На заре становления коммунистической диктатуры бывший острем гильотины террора, спустя десятилетия Кедров разделил участь своих многочисленных жертв.

Но после смерти Сталина имя «незаконно репрессированного» советского деятеля было одним из первых возвращено из мрака забвения. В дальнейшем власти воздали Михаилу Сергеевичу и другие посмертные почести. В честь «пламенного борца за народное счастье» названы улицы в Архангельске, Ярославле, Москве и других городах. В 1963 г. в Вологде набережная правого берега реки Вологды «по желанию трудящихся» была переименована из Спортивной в Набережную имени М. Кедрова.

И даже сейчас, спустя более двух десятилетий с момента краха коммунистического режима, имя создателя «лагерей смерти» по-прежнему остается на карте России...

Автор выражает благодарность историку Ю.В. Дойкову за помощь и поддержку, оказанную

в процессе написания данного очерка, а также предоставленный фактический материал и фотографии.

Литература:

1. Антонов-Овсеенко А. Берия. — М.: ООО «Фирма "Издательство АСТ"», 1999.
2. Васильев В. Помощники Дзержинского//Чекисты/Сост. А. В. Сапаров. — Ленинград, Л., 1967. С. 43—48
3. Викторов И. И. Соратник Дзержинского//Военные контрразведчики/Сост. Ю. В. Селиванов. — М.: Воениздат, 1978. С. 74—82
4. Викторов И. В. Подпольщик. Воин. Чекист. — М.: Политиздат, 1963.
5. Гуль Р. Б. Дзержинский. — М.: Молодая гвардия, 1992.
6. Дойков Ю. Михаил Кедров и Ревекка Пластинина//«Важская область». № 8, 1992. 8.09.1992.
7. Дойков Ю. В. Красный террор. Россия. Украина. 1917—1924. — Архангельск, 2008. Электронная версия книги: http://www.doykov.1mcg.ru/data/1/Red_Terror.pdf
8. Козичев М. Михаил Сергеевич Кедров//Чекисты: Сборник/Сост. А. Н. Николаев — М.: Молодая гвардия, 1987. С. 129—186.
9. Кубасов А. Л. Концентрационные лагеря на Севере России во время Гражданской войны//Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20). http://www.nivestnik.ru/2009_2/10.shtml
10. Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918—1923 гг. Чекистский Олимп. — М.: Айрис-Пресс, 2006.
11. Надеждин. Год в Бутырской тюрьме//Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев/Составл., предисл., комментариев д. и. н. С. В. Волкова. — М.: Айрис-пресс, 2010. С. 319—346.
12. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. — М.: Всемирное слово, 1991. Электронная версия книги: http://krotov.info/lib_sec/15_or/rl/ov.htm
13. Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918—1920 гг. — М.: АИРО-XXI, 2007.
14. Тополянский В. Конец Пироговского общества. <http://index.org.ru/journal/30/29-topoljanski.html>
15. Тумшис М. А., Папчинский А. А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. — М.: Яуза: Эксмо, 2009.
16. Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008.
17. Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
18. Шаламов В. Т. Четвертая Вологда. — Вологда: Издательство «Грифон», 1994.
19. Шамбаров В. Е. Государство и революции. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.
20. Яковлев Г. «Дело» отца и сына. <http://www.warmech.ru/smersh/kudrin.html>
21. Яковлев С. Нарком «поезда смерти»//Двина. 2007. № 4 (28). С. 11—14, 20—22.

Кирилл Александров

В поисках ответа: за что сражались белые?

Искать ответ нелегко.

Проблема в том, что современные апологеты Белого движения не могут договориться друг с другом даже по самым главным вопросам.

Например: когда Белое движение началось и закончилось?

Началось ли оно задолго до 1917 года — как писал о том мудрый Иван Ильин, — и завершилось ли в эмиграции с её естественным концом?

К чему стремились белые?

Причём не только *белые воины*, но и *белоземлягранты*?

Было ли что-то общее между южнорусскими добровольцами, певшими в 1918 году «Мы былого не жалеем, царь нам не кумир», и дальневосточными соратниками генерала Дитерихса образца позднего 1922 года?

И если мы оставляем в стороне прагматику и реалии вооружённой борьбы и говорим только об идеалистических мотивах, то — о каких в первую очередь?..

«Единая и неделимая» — официальный лозунг, вораживающий до сих пор любителей больших территорий, страдающих державным недержанием. Судя по тому, как идут дела в Российской Федерации, он навсегда и останется плодом романтического и пустого, по существу, воображения. **Сейчас** слепая ревность с пеной у рта о «единстве» предполагаемой «Руси Великой» — а у иных глупцов не только с Ревелем, но даже с Варшавой и Гельсингфорсом — это соблазнительный путь. Вступив на него, такие недалёкие «патриоты» с большой вероятностью придут на исторический поклон к уголовнику Сталину и его номенклатурной банде, ради тупого восхищения псевдоимперией образца 1952 года.

Тут нам и Советский Союз выдадут за Россию, а Политбюро — за Правительство генерала Врангеля.

И даже уже сейчас: тонко намекают, создавая очередную амальгаму по схеме «Генерал Корнилов и маршал Жуков воевали за родину».

Ответ на поставленный вопрос бесполезно искать в **узких** событиях 1917—1922 годов. Ответ найдётся лишь с учётом **всего** последующего исторического опыта русской трагедии вплоть до сегодняшнего дня — и в контексте его.

А возможно: и предшествующих столетий.

Ключ, как кажется автору, в замечательной фразе (середины 1940-х годов) писателя Ивана Шмелёва, страстного Дон-Кихота Русского Зарубежья и ревнителя белых воинов: «**Что толку! Земля-то? — писал в отчаянии Шмелёв в ответ на соблазнительные призывы ехать на родину — Мне важно, к т о на ней, и — к а к на ней.**

Белые бились с большевиками не за кровь, и не за почву.

Да, они готовились схватиться с очень независимыми грузинами из-за Сочинского округа и иронично называли Эстляндию «картофельной республикой», — но не в том суть и значение Белого дела. Да, белые дрались за Россию, а большевики — за коммуны, но что для нас главное в слове «Россия»?

Большевизм стал злобной доктриной, агрессивно отрицавшей не только историческую Россию и её культуру, но, в первую очередь, — Христа, и, соответственно, Его воплощение в каждом человеке. Большевик отрицал дух и душу, индивидуальность и уникальность человеческой личности, свободу самостояния и существования, частного творчества и хозяйства.

Свободу молитвы.

И предстояния перед Спасителем в каждодневной жизни.

Сокровенный смысл «первой» — ленинской — революции был в том, чтобы взбунтовать русского человека и его руками разрушить привычные быт и жизнь, Церковь, общество и государство. Лениным и Троцким владела буйная страсть к испелению ненавидимого ими Божьего мира, причем не только в границах Российской империи.

Подлинный смысл «второй» — сталинской — революции заключался в том, чтобы сделать бывшего бунтовщика покорным рабом жадной партийной номенклатуры. И это рабство не сводилось к затыканию ртов, истреблению перманентных врагов и насильственному прикреплению к предприятию или колхозу.

Рабство, прежде всего, заключалось в насаждении двуличия, цинизма, лжи, лицемерия. В закреплении духа и разрушении души. В духовном растлении и опустошении целой нации.

Сталинцы сумели поставить на службу всесоюзному рабству даже часть измождённого и сломавшегося духовенства, заставив его лгать, изворачиваться, славить палачей Церкви, убийц миллионов христиан — отрекаясь изо дня в день тем самым от Христа и Его жертвы.

В итоге на одной шестой части суши должны были остаться вполне живые и восторженные идиоты с мёртвыми, прожжёнными, изолгавшимися душами. Им надлежало с энтузиазмом снимать с себя последние обноски. С чувством полного и глубокого удовлетворения укреплять свой лагерь («Лагерь наша большая семья», — как складно декламировали дети в одном славном фильме). С готовностью соглашаться с полезностью и необходимостью собственной нищеты — и нищеты детей-внуков — на десятилетия вперёд.

Так выковывался советский человек.

Белые подняли меч за национальное достоинство родины, ибо не могли смириться с её поруганием, позором и унижением.

Белые защищали Церковь Христову и бесщётное число ещё не расстрелянных и сосланных коммуни-

стами клириков — и несчастных их детей и родственников. Степень личной религиозности участников Белого движения была разной. Это верно. Но Церковь от ОГПУ–НКВД–МГБ защищали именно они, а не коммунисты, не имевшие вообще никакой религиозности и стремившиеся убить Бога в России.

По существу: белые, может быть, и не отдавая ещё себе отчёта — слишком стремительно прокатилась гражданская война, — сражались за честь, достоинство и свободу русского человека. Смысл этой самоотверженной борьбы стал подлинно ясен и очевиден только после завершения сталинской революции, когда в эмиграции оказались «подсоветские» люди, свидетельствовавшие о сталинщине.

И Шмелёв всем сердцем гениально почувствовал — **какой смысл** в абстрактной Земле, будь она хоть

трижды русская, если населяют её бессловесные рабы-энтузиасты, отрекшиеся от Христа?

Капитан Марковской железнодорожной роты Василий Орехов украсил обложку знаменитого журнала «Часовой» верными словами, выразившими смысл Белой борьбы: **«За Родину, Честь и Свободу!»**. Немножко медлительные *белые финны* отчаянную борьбу с местными большевиками назвали Освободительной войной 1918 года. В эмиграции так называли свою войну и офицеры-марковцы.

Все прочие лозунги — и политические идеалы — выглядят узко. Они охватывают лишь **часть**, но не выражают **целого**.

Возможно ли сегодня вдохнуть живой смысл и содержание в слова капитана Орехова?

Об этом — в следующий раз.

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Татьяна Никонорова

«...Не дай бог дожить до таких лет, до такого упадка...»

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ЗАПРЕТА КИНОФИЛЬМА ЭЛЕМА КЛИМОВА «АГОНИЯ»
ПО ДОКУМЕНТАМ АРХИВОВ

«Трудно переоценить ту огромную заботу, которую проявляет наша партия о всестороннем развитии искусства и литературы», — такими словами начиналось одно советское пособие по киноведению. Сейчас в них слышится горькая ирония. Действительно, партия была настолько равнодушна к искусству, что старалась контролировать малейшее биение творческой жизни на всём пространстве Советского Союза. Тем более, если дело касалось кинематографа, в представлении партийных идеологов — мощнейшего идеологического оружия. Здесь партийный прессинг был максимален. Кинофильмы становились объектами скрупулёзной оценки отдела культуры ЦК КПСС, а в ряде случаев судьбу той или иной работы определял сам генеральный секретарь, естественно, исходя из собственного культурного уровня, художественных пристрастий и антипатий. Именно так было с кинофильмом Э. Г. Климова «Агония» (1974). Его история — это история неравноправной борьбы художника с высокопоставленными цензорами на протяжении, по меньшей мере, десяти лет.

Начиналась «Агония» с высочайшего одобрения как грандиозный проект «Мосфильма». Лента должна была изображать продажность и цинизм царского окружения с акцентом на скандальных похождениях Григория Распутина. Несмотря на угадывающийся размах, фильм был поручен тогда ещё довольно молодому режиссёру Элему Климову, не имевшему никакого опыта в такого рода постановках. О Распутине Климов знал мало. Но тема его заинтересовала. Вместе

с драматургами И. И. Нусиновым и С. Л. Лунгиным он засел за сценарий. И именно здесь была совершена роковая ошибка...

Сначала наметили экранизировать пьесу А. Н. Толстого «Заговор Императрицы», которая уже много лет шла в советских театрах. Но режиссёр и драматурги посчитали её примитивной и решились на собственные как творческие, так и исторические изыскания. Голова кружилась от открывшегося простора: «Шутка ли, закат самодержавия на Руси, появление старца-чудодоя Гришки Распутина, государева семья, германская война, inferнальная жизнь петербургского света и прочее, и прочее...», [1] — пишет в своих воспоминаниях С. Л. Лунгин.

Режиссёр и драматурги работали увлечённо, изучили много архивных материалов. В августе 1966 года на худсовете уже обсуждали готовый сценарий. Он назывался «Антихрист». Фильм задумывался в фарсовом ключе при сохранении некой документальной основы. В нём должны были действовать сразу два Распутина: один как бы «подлинный», другой — фольклорный, то есть такой, каким его представлял обыватель.

Сценарий не одобрили редактора Главной сценарно-редакционной коллегии. Это было первое препятствие на пути кинофильма к широкому зрителю. Начались переделки. Название «Антихрист» сменили на «Агонию». Однако производство кинофильма опять было прекращено. «Никто нам толком объяснить [ничего] не мог, — пишет Лунгин. — Все говорили

Режиссёр Э. Г. Климов, актёр А. В. Петренко и актриса А. Б. Фрейндлих. 1973–1974 гг. РГАЛИ. Ф. 3095. Оп. 1. Д. 132. Л. 12.

на специфическом лексиконе тех лет. Видно, кому-то где-то кто-то что-то сказал, что-то почему-то кому-то не понравилось, и это было вполне достаточно, чтобы грубо начальственно оборвать работу довольно большого коллектива» [2].

В апреле 1968 года, после очередной остановки фильма, Климов не выдержал и обратился с письмом к секретарю ЦК КПСС П. Н. Демичеву, курировавшему кинематографию. По указанию Демичева отдел культуры ЦК запросил отзыв Госкино о сценарии «Агонии». В ответе председателя Госкино А. В. Романова говорилось: «В сценарии “Агония” излишне много уделяется внимания фигуре Распутина, но не показаны истинные причины крушения царской империи. Авторы по сути дела обошли тему нарастания революционной ситуации в России в конце 1916 и в начале 1917 годов... Таким образом, сценарий “Агония” в настоящем его виде не может быть принят к постановке. Он нуждается в коренной переработке» [3].

Таким оказался приговор. Он был неожиданным для его авторов, что отчасти можно объяснить переломом, произошедшим именно в то время в общественно-политической жизни страны. Конец 1960-х годов, по выражению Лунгина, стал временем «иллюзий и несбывшихся надежд» [4]. Оттепель сменилась брежневскими заморозками. Всё произошло так быстро, что Климов и его команда просто не успели перестроиться. Осознание того, что атмосфера в государстве изменилась, пришло не сразу: «Нам всем тогда казалось, что круглый год весна, окна открыты, деревья цветут и всё будет хорошо. Но очень скоро, как известно, все это придавили свинцовой плитой» [5].

Неожиданно «Агонию» снова запустили. Более того. Выделили около миллиона рублей. Снимать фильм должны были на дорогостоящем «Кодеке», который по свидетельству А. С. Михалкова-Кончаловского, «в ограниченных количествах покупается на валюту, отпускается лишь для съёмок немногих фильмов» [6]. То обстоятельство, что в числе этих «немногих» оказалась почти запрещённая «Агония», выглядит весьма странным. Но многое объясняет совместная записка отдела культуры ЦК и Госкино СССР от 14 августа 1975 г. В ней сказано: «решая вопрос о постановке

“Агонии”, Госкино СССР исходил из того, что на мировом экране было выпущено свыше двадцати зарубежных фильмов о последних днях царизма, фальсифицирующих политическую суть предреволюционной эпохи в России, реабилитирующих царя и его окружение» [7].

Особый интерес к предреволюционной эпохе России испытывали американские кинематографисты. Некоторые из них весьма наивно обращались в Госкино СССР с рядом совместных проектов, в частности, в 1974 году «фирмы “Ориоло фильм” и “Дмитрык-Войд продакшн” предложили создать фильм о Распутине» [8]. Идея была, разумеется, отклонена советскими чиновниками. Но это не мешало западноевропейским и американским кинематографистам самостоятельно разрабатывать «российский исторический материал». К концу 1960-х годов на Западе было снято около десятка фильмов о царской семье и её окружении.

В 1971 году Франклин Шеффнер экранизировал бестселлер Роберта Мэйси «Николай и Александра». Новый кинофильм был хорошо встречен публикой и получил две премии «Оскар». Воссозданные звёздами английского и американского кинематографа идиллические образы последних Романовых, мученически погибших от рук большевиков, вызывали симпатию и сострадание у зрителей по ту сторону железного занавеса, а у советских идеологов — чувство острого беспокойства.

«Агония» Элема Климова должна была разоблачить «фальсификации», дать оценку Николаю II и его ближайшему окружению с «идеологически верных» позиций. Как писал в ЦК КПСС сам Климов, «наш фильм... может стать серьёзным оружием советской контрпропаганды» [9]. В пользу «экспортного» назначения Климовского кинофильма говорит и предоставление иностранной «валютной» пленки. Дело в том, что низкое качество отечественного негатива мешало продвижению снятых на нем фильмов на мировом рынке: зарубежные прокатчики не могли получить качественных копий и предпочитали отказываться от советских картин [10].

Съёмки «Агонии» начались в 1973 году. На главные роли пробовались актёры первой величины. За роль Распутина боролись такие звёзды советского кинематографа, как Анатолий Папанов, Евгений Лебедев,

Режиссёр Э. Г. Климов и актёр А. В. Петренко. 1973—1974 гг. РГАЛИ. Ф. 3095. Оп. 1. Д. 132. Л. 13.

Э. Г. Климов на выборе природы для фильма «Агония». 1973—1975 гг. РГАЛИ. Ф. 3095. Оп. 1. Д. 587. Л 11.

Михаил Ульянов. В результате Климов остановился на малоизвестном тогда театральном актёре Алексее Петренко. Николая II должен был сыграть Иннокентий Смоктуновский... Но Климов предпочёл этому невероятно знаменитому уже тогда мастеру Анатолия Ромашина, его плавающий взгляд больше подходил, по мнению режиссёра, образу последнего царя.

Как и в случае любого кинопроизводства, здесь было много своих «рабочих» трудностей. Катастрофически не хватало плёнки. Алексей Петренко болел. Параллельно руководство Госкино пристально следило за работой, давало бесконечные поправки.

Несмотря на все трудности, фильм был успешно закончен в чистовой редакции в конце 1974 года. В отличие от произведения Шеффнера, где акцент сделан на частной жизни царской семьи в течение довольно продолжительного временного отрезка с 1904 по 1918 гг., Климов взял точкой отсчёта последний год правления Николая II. Главной задачей картины было «показать современному зрителю (и не только советскому), почему Россия была “беременной революцией”, эмоционально проиллюстрировать историческую неизбежность этого свершения» [11]. В кинофильме воспроизводится деградация правящей верхушки. Воссоздаются перипетии дворцовых интриг и заговора, жертвой которого становится Распутин. История с заговором показана таким образом, чтобы у зрителя непременно возникли ассоциации с «судорогами» больного агонизирующего «государственного тела». Кроме того, Климов ввёл социальный аспект — историю взаимоотношений общества и власти, историю, которая, в конце концов, и кончается социальным взрывом.

В апреле 1975 года картина была принята по высшей категории, а это значило, что с неё будет отпечатано максимально возможное количество копий для показа и в Советском Союзе, и за рубежом. На просмотр «Агонии» в самом репрезентативном зале «Мосфиль-

ма» с «мягкими креслами» приглашали именитых зарубежных гостей, таких, как Анджей Вайда. Климову предложили место в жюри Всесоюзного фестиваля. Но череда этих явных поощрений не была долгой. Скоро пошли слухи, что фильм не понравился самому генеральному секретарю Л. И. Брежневу. «Просмотрев картину на даче в Кунцево, задал вопрос, просто спросил: “А зачем?”...» [12]. Фильм, кроме того, вызвал нарекания секретарей ЦК и даже председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова. Он направил в ЦК свою секретную записку от 1 августа 1975 г., в которой было сказано весьма определённо, что «Комитет государственной безопасности считает нецелесообразным выпускать фильм “Агония” на экраны страны и для проката его за рубежом» [13].

Нужно иметь в виду, что руководству Комитета по кинематографии запрет какой-либо кинокартины доставлял мало радости. Ведь отчасти ответственность за «провал» ложилась и на него, проглядевшего опасные моменты на стадии кинопроизводства, а главное — потратившего впустую немалые средства. Поэтому неудивительны настойчивые попытки Ф. Т. Ермаша добиться разрешения «Агонии». 6 марта 1979 года в ЦК поступила его пространная записка, в которой говорилось, что «дальнейшая задержка выпуска фильма на экран вызывает обстановку нездорового ажиотажа вокруг картины и её авторов», ибо «зарубежные корреспонденты неоднократно пытались спровоцировать режиссера на интервью о причинах задержки выпуска фильма» [14]. Последовала резолюция секретаря ЦК М. В. Зимянина: «Следовало бы посмотреть исправленный фильм... прежде чем выпускать его, т. к. он не рекомендован к выпуску секретарями ЦК» [15].

Авторов фильма обвиняли в чрезмерном внимании к царской семье и интимной жизни Распутина, увлечении натурализмом, отсутствии оценки роли партии большевиков в подготовке революции. И это несмотря на положительный отзыв автора «Истории великого Октября» академика И. И. Минца. В фонде Климова сохранился подлинник письма Минца в Госкино СССР. «Я с большим правом могу сказать, — писал академик, — что этот фильм выполняет указание XXV съезда партии об активной борьбе против антисоветчины: он направлен против американской картины “Николай и Александра”, обошедшей экраны всего мира» [16]. Но Минц оказался едва ли не единственным, кто вступился за «Агонию». В картине Климова КГБ усмотрел «антиреволюционную направленность» [17]. На обсуждении фильма в июне 1978 года чиновники Госкино СССР пришли к выводу, что «с точки зрения нашей нормативной истории, фильм сделан неправильно» [18].

Большой критике подвергался образ Николая II в «Агонии». Со школьной скамьи Николая Романова было принято воспринимать как жестокосердного тирана, умственно неполноценного алкоголика, врага своего народа. Авторы «Агонии» фактически разрушили это сложившееся за десятилетия советской власти очевидно предвзятое представление. В исполнении актёра А. Ромашина последний царь показан не-

однозначным, но, в общем, довольно симпатичным человеком с целой гаммой психологических комплексов и внутренних переживаний, тонким, лишённым схематичности карикатуры.

Впоследствии Климов в одном из своих интервью признавался, что «действительно сочувствовал» Николаю II, так как «он попал в переделку, которая оказалась выше его сил» [19]. Сочувствие последнему царю, быть может, тогда ещё недостаточно отрефлексированное режиссёром, не могло не сыграть роковую роль в судьбе «Агонии». Ведь это было время, когда даже от мультфильмов требовалась «чёткость социальных позиций» [20].

В современной историографии советского кинематографа преобладает точка зрения, согласно которой принято считать, что «Агония» была запрещена из-за «метафоры разложения верхов в брежневскую эпоху» [21]. В материалах фонда Климова имеется подтверждение этой версии. Судя по перечню поправок к кинофильму, председатель Госкино СССР Ф. Т. Ермаш действительно требовал вырезать несколько двусмысленных реплик: реплику Распутина «...У него орденов три штуки, а ты его за решетку?..»; реплику Маклакова о Распутине «...Винovat не он, а режим...»; реплику Вырубовой, сказанную в адрес Горемыкина «...Не дай бог дожить до таких лет, до такого упадка...» [22].

Руководство Госкино требовало внести в кинофильм и другие поправки, касающиеся, в частности, образа Николая II: «Царь после речи Пуришкевича в Думе долго сидит в унылой позе. Сделать короче. Его жалко...»; «Надо выбросить родословную Романовых. Петр I и Николай II в одном ряду. Это вульгарный социологизм»; «После фразы [царя] “мой народ любит меня” убрать все кадры, демонстрирующие любовь народа к царю»; «Дать царю в разных сценах ещё несколько резких, жестоких реплик...» [23].

Требовали «подчистить» фильм от ряда «сомнительных» сцен: «Сократить драку Распутина с односельчанами, которая порочит русский народ. По возможности назвать Распутина ещё “развратником”, “казнокрадом”. Убрать план сына Распутина, когда мальчик кричит петухом — натурализм... Сцену избияния Распутина церковниками сократить — много натурализма... Также не надо, чтобы слуга кусал апельсин с кожурой вместе — это натурализм» [24].

Элем Климов принял некоторые из предложенных поправок. Вставил «послужной список Николая II», содержащий данные по преступлениям царизма. Переозвучил дикторский текст. В качестве эпиграфа перед титрами появилась выдержка из трудов В. И. Ленина. В то же время режиссёр не был согласен до бесконечности уродовать собственное произведение. И когда в июне 1978 года от него потребовали новых переделок, в частности, изменить само название кинофильма [25], его терпение кончилось.

В фонде Климова сохранилось его письмо генеральному директору киностудии «Мосфильм» Н. Т. Сизову: «...В результате обсуждения мне в энергичной форме было предложено выполнить новый список поправок... Выполнить их я не берусь, т. к.

*И. М. Смоктуновский на пробах на роль Николая II. 1973 г.
РГАЛИ. Ф. 3095. Оп. 1. Д. 128. Л. 10.*

объясняю их происхождение или чьими-то вкусовыми пристрастиями, или же излишней перестраховкой. Реализация их привела бы, на мой взгляд, к определённому урону для художественной и жанровой структуры фильма... Если моя позиция не может быть понята и принята, то я прошу вас, Николай Трофимович, освободить меня от проведения дальнейших работ по фильму. Прошу Вас не относить моё решение за счёт бездумного упрямства и капризного характера. У каждого человека, работающего в искусстве, в том числе и у меня, есть своё понимание художественного и антихудожественного, есть, или должен быть, свой творческий стыд. В этом и состоит принцип, который беспредельно нарушать я не могу» [26].

Но за принципиальность пришлось расплачиваться. И когда в мае 1978 года переработанный вариант фильма был просмотрен в ЦК КПСС, это не привело к снятию запрета. Заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС З. П. Туманова сообщала в своей записке, что после повторного просмотра «Агонии» «с т. Ермашем Ф. Т. состоялись беседы о кинофильме и целесообразности его выхода на экраны страны. Руководство Госкино СССР решило в настоящее время воздержаться от выпуска фильма “Агония” в прокат» [27].

«Агонию» выпустили только в 1985 году — после согласия секретарей ЦК. Зрители отнеслись к фильму неоднозначно. Их письма в адрес режиссёра содержат разнообразные оценки: от восторга («сильный, потрясающий, хороший фильм» [28]) до непонимания («[настолько] “глубокие” смыслы, что с высшим образованием не поймешь» [29]) и крайнего неприятия («Вместо показа героической и гениальной подпольной

и зарубежной деятельности В. И. Ленина, “Мосфильм”... показывает несколько раз ползущего на карачках пьяного проходимца Распутина... Что всё это значит?» [30].

Прокат «Агонии» за рубежом тоже не проходил гладко. В одной крупной латиноамериканской стране фильм, как это ни странно, был арестован «за пропаганду революционных идей». Во Франции «Агонию» перемонтировали и сократили на 45 минут, в США урезали на целый час. Причем убрали как раз политические сцены [31]. Американский киновед Рон Холлоуэй констатировал: «Агония»... отжила своё время» [32].

Тем не менее, будучи талантливым кинопроизведением, «Агония» обладает гораздо более широким смысловым наполнением, чем, вероятно, рассчитывали её авторы. Для многих интеллектуальных зрителей «Агония» стала интересна, прежде всего, своим «запрещённым» прошлым и воспринимается скорее не как фильм о кризисе царизма, а как метафора советской культурной политики и эпохи брежневского «застоя», в целом. Метафоричность кинофильма «Агония» фактически стала его вторым смысловым наполнением, которое не даёт ему устареть.

1. Лунгин С. Л. Виденное наяву: Воспоминания. М., 1998. С. 257.

2. Там же. С. 260.

3. «Агония». Документальная хроника//Искусство кино. 1996. № 7. С. 127.

4. Лунгин С. Л. Указ. соч. С. 257.

5. Климов Э. Г. И тогда мне захотелось невозможного...: [Интервью] // Искусство кино. 2004. № 5. С. 68—69.

6. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 76. Д. 294. Л. 19.

7. «Агония». Документальная хроника... С. 128.

8. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 202. Л. 26.

9. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 3095. Оп. 1. Д. 391. Л. 2.

10. РГАНИ. Оп. 76. Д. 294. Л. 19.

11. РГАЛИ. Ф. 3095. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

12. Климов Э. Г. И от тебя зависит так мало и так много... // Искусство кино. 1996. № 7. С. 124.

13. «Агония». Документальная хроника... С. 128.

14. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 292. Л. 6.

15. Там же. Л. 5.

16. РГАЛИ. Ф. 3095. Оп. 1. Д. 559. Л. 2.

17. Бобков Ф. Д. КГБ и власть: Воспоминания. М., 1995. С. 274.

18. РГАЛИ. Ф. 3095. Оп. 1. Д. 42. Л. 125.

19. Климов Э. Г. Мне интересно только невозможное: [Интервью]//Элем Климов. Неснятое кино. М., 2008. С. 231.

20. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 133. Л. 29.

21. См.: Советское киноискусство семидесятых — первой половины восьмидесятых годов. М., 1997; Новейшая история отечественного кино. 1986—2000. Кино и контекст. Т. III. СПб, 2001; Мусский И. А. Сто великих отечественных кинофильмов. М., 2007 и другие.

22. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 133. Л. 29.

23. РГАЛИ. Ф. 3095. Оп. 1. Д. 42. Л. 122—126.

24. Там же. Л. 122—123.

25. Там же. Л. 126.

26. Там же. Д. 559. Л. 16.

27. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 292. Л. 9.

28. РГАЛИ. Ф. 3095. Оп. 1. Д. 361. Л. 32.

29. Там же. Л. 39.

30. Там же. Л. 36.

31. Климов Э. Г. А памятника не надо...//Огонек. 1988. № 2. С. 16—22.

32. Холлоуэй Р. Поездки с другом//Элем Климов. Неснятое кино. М., 2008. С. 368.

Г. А.

О талантливых партнёрах и суде редакторов

ИЗ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

В журнале «Коммунист» за 1972 год в статье, приуроченной к 55-летию октябрьской революции, Председатель Союза кинематографистов СССР, выдающийся советский кинорежиссёр, народный артист СССР Лев Кулиджанов в статье, написанной про антисоветский кинематограф и идеологическую борьбу в кино, разгромив многие фильмы («Топаз», «Доктор Живаго», «Я убил Распутина» и др.), вынужден был написать: «Фильм “Николай и Александра” режиссёра Ф. Шефнера открывает не только широкой публике но и специалистам много новых, малоизвестных фактов нашей истории и поэтому стоит особняком в чреде творений антисоветского кинематографа...»

Безусловно, на такой приговор маститого кинематографиста нужно было отвечать, тем более, что о том,

что фильм «Николай и Александра» снимается и что на его торжественную премьеру намечено собрать всё русское зарубежье, включая членов царской семьи, было известно в Отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС с самого начала съёмок. Помешать Голливуду даже всеильный ЦК и КГБ не могли, и тогда было принято мудрое решение — снимаем свой фильм-ответ. Были выделены валютные средства, и сформированная группа получила впервые в истории советского кинематографа доступ к Французской синематке, а точнее — к той её части, где покоились кадры, вывезенные после октября 1917 года, и где документально были запечатлены и царь с царицей и всей семьёй, и придворные, и «старец», и Ходынка, и кровавое воскресенье, и революционные события. Фильм

был поручено снимать лучшему ученику М. Ромма, доделавшему за него фильм «И всё-таки я верую», специалисту не только по художественному, но и по документальному кино Элему Климову. Со времён Сталина кинематограф оставался одним из главных увлечений сильных мира того. Каждая дача ЦК обязательно была оснащена кинозалом. Кинофильм «Агония» был снят в 1974 году и выпущен на экраны через 11 лет.

Режиссёр и драматурги работали увлечённо, изучили много архивных материалов. Отсмотрели километры документальных кадров.

На главные роли были утверждены тогда мало кому кроме заядлых театралов известные актёры без славы и без званий Анатолий Ромаши, Алексей Петренко, Алиса Фрейндлих. Фильм был предъявлен на суд редакторов историко-патриотических фильмов Главной редакции Госкино СССР, возглавляемой товарищем Киященко.

По итогам просмотра был выпущен документ для служебного пользования с поправками на двух листах убористого текста. Фильм начинался с хронологии дома Романовых, иллюстрированной портретами царей. Так вот: первый пункт гласил «Портреты царей —

убрать» в остальных пунктах говорилось об излишнем натурализме, не свойственном советскому кинематографу, и о незначительной и не видной по фильму роли рабочего движения и народных масс, возглавляемых партией большевиков. Но так как в фильме воспроизводится деградация правящей верхушки Российской Империи, откуда им, большевикам, там было взяться? Пришлось срочно вклеить документальные кадры 9 января и революции, но это судьбу картины не спасло. Максимум, что было разрешено — выпустить на экраны документальный фильм «Падение дома Романовых», смонтированный из документальных кадров, которые были специально куплены во Франции для «Агонии».

Реакция советских зрителей, отразившаяся в письмах, свидетельствовала о том, что Э. Климов и его талантливые партнёры просто опередили время, а часть публики, т. е. народа, были так обработаны советской пропагандой, что воспринимать правду были не в силах. Пропал и эффект открытия новых актёров, новых смыслов. Время перестройки каждый день предлагало новые факты, в стране свирепствовал тайфун видео.

В этом смысле «Агония» действительно «отжила своё время».

АРХИВ

Фёдор Степун

Родина, отечество и чужбина

Не помню точно, в каком это было году. Гитлер со свирепым отчаянием всё ещё завоевывал Россию, а по Дрездену с лихими солдатскими песнями бодро маршировали взводы ладно скроенных и крепко сшитых русских парней. Так и хотелось поздороваться: «Здорово, молодцы!».

В построенной в память посещения Александром II Дрездена просторной православной церкви рядом со мною истово молился по-маскарадному переодетый в немецкий мундир широкоплечий русак, который оказался, когда мы с ним ближе познакомились, народным учителем с Дона. По окончании службы он приложился к кресту и, выйдя в прицерковный сад, сел на скамеечку. Я подсел к нему, предложил папиросу и, желая выяснить, что, собственно, происходит в душах советских людей, сражающихся с Гитлером против Сталина, провокационно спросил: «Да вам не больно, не стыдно в немецком мундире сражаться против нашего отечества?».

Посмотрев на меня удивлённо и малодружественно, мой собеседник, помолчав, ответил: «Видно, вы давно из России, а то знали бы, что воевать против своего отечества нам не приходится, потому что папаша Сталин давно его у нас украл».

«Так ли? — попытался я возразить. — Поначалу красноармейцы, действительно, сдавались, а теперь, как слышно, живота своего не щадят».

«Это правда, — ответил власовец, — когда мы поняли, что нам от Гитлера спасения не будет, мы перестали сдаваться, только дрались мы, пока были в России, не за отечество, а за могилу в родной земле. Она многого стоит. Я вот и сам начинаю подумывать, не вернуться ли мне домой? Пускай меня лучше Сталин расстреляет, чем гитлеровский нацист. На Дону и покойнику легче дышать, чем на Эльбе...»

Этот разговор произвёл на меня в своё время большое впечатление не только своей душевной взволнованностью и глубиной, но и отчётливостью высказанных моим собеседником взглядов, сводимых, без особой натяжки, к следующим трём положениям: 1) необходимо делать различие между отечеством и родиной, 2) измена своему отечеству ради спасения родины не только допустима, но, быть может, и обязательна, 3) пребывание на чужбине без борьбы за родину, наоборот, недопустимо. Если на чужбине невозможно жить родиной, то лучше возвращаться домой, хотя бы лишь затем, чтобы умереть у себя.

Думаю, что этих трёх положений вполне достаточно для построения социологии эмиграции, науки, над которой ныне работает целый ряд выдающихся учёных. Самочинно размышлять над разницей между родиной и отечеством — не приходится. Она полностью содержится в корнях слов. Родина — начало материнское. Отечество — начало отчее. В мирные, благополучные времена мы родины от отечества не отделяем. Живём под родительским кровом: чувствуем тепло материнской любви и силу отца, который нас с матерью в обиду не даст. Но вот период благополучия кончается, и начинается семейная драма. Сначала протесты матери против угнетений со стороны отца, а потом мстительное усиление отчего насилия над матерью.

Определяя революцию как трагическое расхождение между родиной и отечеством, необходимо описать тот круг переживаний, который мы ощущаем родиной, и тот иной, который связываем с понятием отечества.

Родина

Тоскуя о своей родине, всякий человек прежде всего тоскует по образу своей земли: по её восходам и закатам, по её горизонтам и дорогам, по её рекам и песням, по её безбрежным долинам и горным цепям, по её древним городам и тихим деревням, по запахам её лесов и полей. Тоска по родине не зависит от того, покоится ли она в объятиях своего государства или страдает под вражеской властью. Как правило, можно считать, что поработённую родину мы любим глубже, чем свободную. Для немцев завоеванная большевиками Восточная Пруссия — лодки и сети у моря, кровные лошади в лугах, деревни под соломенными крышами — остаётся такой же родиной, какой она была до Войны. Родиной она будет ещё и для их детей и внуков. Любовь, порождаемая ненавистью, — очень сильное чувство.

Если бы судьбе было угодно вырвать Украину из состава государства Российского, мыслимого в будущем, конечно, лишь в образе свободной федерации, — это никак не могло бы погасить в русских людях её ощущения как родины.

Надо ли говорить, что в исторической памяти России хранятся не только картины всероссийской природы, народного быта и обихода, но и образы великих исторических событий и созданной Россией культуры: её искусства, её философии, мудрости и веры. Столетиями в непрерывной смене поколений длящееся объединение людей, связанных между собою созданием и исповеданием общей всем им культуры, мы называем нациями. Моя нация — это моя духовная родина. Не подлежит сомнению, что в создании национальной культуры могут участвовать люди разных племён, рас и даже люди, говорящие на разных языках (Швейцария).

Россия была крещена в Киеве. Среди угодников, святителей, старцев и иерархов единой Русской Православной Церкви было много украинцев. Украинец Гоголь был величайшим русским писателем, из «Шинели» которого вышла, как было сказано, вся русская литература. Его шальная птица-тройка в гораздо большей степени является символом России, чем Украины. Гоголем же была открыта и с непостижимой гениальностью описана не только романтика, но и мистерия Невского проспекта. Украинец Короленко на дальнем севере, в нищей великорусской деревне ощутил себя подлинно русским человеком. Всё это и ещё многое другое даёт всякому русскому человеку неоспоримое право считать Украину своей духовной родиной. Быть может, с меньшим, но все же с бесспорным правом причисляем мы к своей родине и воспетый Пушкиным, Лермонтовым, Глинкой и Врубелем — Кавказ. Но, конечно: из того, что русский человек вправе ощущать Украину и Кавказ частями своей родины, отнюдь не следует, что всякий украинец и грузин должен ощущать своей родиной Москву и Волгу. Не следует потому, что родина не есть внешний факт, к признанию которого можно кого-нибудь принудить, а есть в живом и личном опыте обретаемый мир, глубина и широта которого никому нё может быть предписана.

Если перечесть больших русских писателей и поэтов, то нельзя будет не увидеть, что для них Россия была живым, любимым существом. Особенно трогателен образ родины-матери у Достоевского: «Разлегшаяся на многих тысячах вёрст, неслышно и бездыханно, в вечном зачатии и вечном признанном бессилии что-нибудь сказать или сделать», она вдруг встаёт и смиренно и твёрдо выговаривает всенародно прекрасное свое слово. Близок к Достоевскому и Блок, для которого «нищая Россия» — и «мать», и «бедная жена». Ещё глубже тютчевский образ, для которого Россия только потому и Россия, что в её смиренной наготе светится образ Спасителя.

Искусство, конечно, не наука, но всё же познание, которого никакой науке не следовало бы игнорировать.

Отечество

Отец — кормилец и защитник жены и семьи. Мистическое тело родины, образ национальной культуры, таинственное дыхание и красота матери-земли — всё это было бы открыто вражьи ветрам и налётам, если бы жизнь родины не протекала в формах государства. Лишь его справедливыми, но и строгими законами, его умным миролюбием, но и вооружённой решимостью защищена родина от превратностей и неожиданностей судьбы. Отечество — это меч и щит родины.

Не в историческом, но в иерархическом порядке родина первичнее отечества. Если бы у нас не было что защищать, нам не были бы нужны ни меч, ни щит.

Научная концепция известного немецкого социолога Тонниэ'а построена на противопоставлении общины (Gemeinschaft) и общества (Gesellschaft). Пользуясь этой терминологией, мы можем определить родину, прообразом и формой которой является Церковь, как общину, а отечество — как общество. Община, по Тонниэ'у, возникает и развивается органически; она, по существу, организм, т. е. нечто, что не может быть организовано. Договорной теории родины никогда не существовало. Другое дело государство. Уже в средние века в связи с борьбой между папой и императором было создано учение, согласно которому император пользуется своей властью лишь на основании договора с народом, почему эта власть и может быть у него отнята, если бы он начал ею злоупотреблять. Впоследствии эта мысль была развита Руссо в его «Contrat social» (1762) и легла в основу государственно-правовых размышлений Шиллера, Канта и других мыслителей. Верна или не верна договорная теория общества — вопрос сложный, и решать его мимоходом нельзя. Важно лишь то, что она постоянно защищалась видными учёными и практиковалась эмигрантами, порывавшими всякие отношения со своим отечеством, уходившими из своего государства и менявшими своё подданство. Возможность перемены подданства проливает новый свет на глубокое различие между родиной и отечеством. Сознательная, волевая и быстрая перемена родины для человека невозможна. Приобретение новой родины — процесс очень длительный и возможный лишь для детей или даже внуков эмигрантов. Уйти от своей родины нельзя. Даже и видя её недостатки, Нельзя перестать её любить.

*Грешить бесстыдно, непробудно,
Счёт потерять ночам и дням,
И с головой, от хмеля трудной,
Пройти стороной в Божий храм.*

.....

*Да и такой, моя Россия,
Ты всех краёв дороже мне.*

Это всем понятно, как понятна нам и готовность Лермонтова до полуночи смотреть:

*На пляску с топотом и свистом
Под говор пьяных мужиков.*

Но кто стал бы голосовать за пьянствующее, бесстыдно грешащее и ханжески молящееся правительство? Ясно, что никто. Такое правительство ни для кого не было бы отечеством. Его сыны чувствовали бы себя сиротами, а родину-мать — вдовой. Правильно потому говорит Вольтер: «Отечество возможно только под добрым королём, под дурным же оно невозможно». Ту же мысль высказывает и La Bruyere: «В деспотиях невозможно отечество».

С осознания этой невозможности всегда и начались революции. Перед революционерами сразу же вставал вопрос: правильнее ли защищать родину на территории поработившей её деспотии, или извне — на территории чужбины. Те, которым второе решение представлялось более целесообразным, — эмигрировали. История эмиграции, история полупринудительных и полудобровольных разлук с родиной, несмотря на её давность и на то, что ряд выдающихся людей подолгу пребывал вне своего отечества, ещё не написана. Вот несколько имён и дат. Уже Платон жил некоторое время в эмиграции. Одна из самых замечательных книг мировой литературы «De Civitati Dei» блаженного Августина порождена беженским вопросом IV столетия: падением Рима и бегством римлян в Северную Африку и Малую Азию. Эмигрант Данте был трижды приговорён к смертной казни, в последний раз с её распространением и на его детей.

Американцы, поскольку они не туземцы, — все эмигранты. XVII век — классический век эмиграции. Менониты бегут из Голландии, а гугеноты — в неё. Великая французская революция залила все европейские страны своими аристократическими emigrés и протестантскими réfugiés. Спустя 15 лет после четвертого раздела Польши её душа переселилась в Париж: князь Чарторийский, Мицкевич и историк Лелевель. Если ещё вспомнить, что в 1922—1923 гг. 35 тыс. турок были из Греции переведены в Турцию, а полтора миллиона греков из Малой Азии в Грецию, то наша судьба российских эмигрантов уже не покажется нам столь непостижимой и необычайной, какой она нам представляется. О том, какой хаос поднимется в Европе, пророчествовали многие зоркие люди: Токвиль, Ницше, Достоевский, Якоб Буркхардт. Быть может, самые вещие слова, которых нельзя не вспомнить, размышляя о нашей эмигрантской судьбе, принадлежат Герцену.

«Вся Европа выйдет из своих берегов, будет втянута в общий разгром; пределы стран изменятся... национальности будут сломлены и оскорблены. Города обеднеют, образование падёт... земля останется без рук... усталые, заморённые люди покорятся всему, военный деспотизм заменит всякую законность... Тогда победители начнут драться из-за добычи. Испуганная цивилизация, индустрия побежит в Америку, унося с собой от гибели деньги, науку, начатый труд».

Поразительно. Но довольно истории. Вернёмся к самим себе и постараемся разобраться в своих собственных делах.

Эмигрант

Люди, покидающие родину под давлением революционных смут, могут быть разделены на эмигрантов и беженцев. Характеризуя эмигрантов и беженцев, я подчёркиваю, что даю «воображаемые портреты», или, по более научной терминологии одного из самых значительных социологов XX века Макса Вебера, — идеал-типические образы. В конкретной жизни идеал-типических эмигрантов, как и идеал-типических беженцев, мало. Кроме того, бывает и так, что человек, годами живший и работавший как закалённый в борьбе эмигрант, вдруг превращается в беженца-обывателя. Эмигрант — это активный борец за свою родину-мать против предавшего её отца. Но с кем и какими средствами возможно ведение этой борьбы? Ясно, что без помощи организованного общественного мнения и государственной власти той страны, в которую эмигрант попал или которую он себе выбрал, никакая борьба невозможна. Для её успешного ведения эмигранту необходимо освоить чужбину, превратить её в своё второе отечество, стать до известной степени своим среди изначально чуждых ему людей, вызвать их доверие, склонить к себе их ухо. К совсем чужому человеку они прислушиваться не станут. Вопрос о перемене подданства для эмигранта малосуществен и, даже больше: в сущности, он для него беспредметен. Покинувший своё отечество эмигрант не может продолжать считать себя сыном своего отца и гражданином государства, против которого он борется. Теряя свое подданство, он тем самым лишается и возможности его смены на другое.

Сложнее вопрос о праве политического эмигранта защищать свою родину вооружённой рукой чужого государства или, что по существу одно и то же, почувствовать успешному наступлению чужой армии на государственную территорию своей родины. Вопрос этот отвлеченно — неразрешим. То или иное разрешение зависит от того, кто наступает и в каких целях. С занятой мною точки зрения, освобождение родины хотя бы и вооружённой рукой дружественного государства надо считать лишь в принципе допустимым, фактически же всегда и очень опасным и маложелательным. Не революционное минирование своей родины и не подготовка интервенций является поэтому главной задачей эмиграции, а защита России перед лицом Европы и сохранение образа русской культуры.

К сожалению, старая русская эмиграция успешно исполнила лишь эту вторую задачу. Нет сомнения, что всё созданное ею в научной, философской и художественной сфере со временем весьма ценным вкладом прочно войдёт в духовную жизнь пореволюционной России.

Гораздо меньшего достигла эмиграция в области защиты русских интересов среди общественных и политических деятелей Европы. Я отнюдь не жалею, что она по примеру других стран не создала своего эмигрантского правительства. От таких правительств — избави нас Бог. Но она не создала и никакого органи-

зационного центра, никакого печатного органа, который авторитетно разъяснил бы иностранцам миросозерцательную, психологическую и политическую суть происходящих на родине событий. В хоре иностранных голосов, ежедневно столь же самоуверенно, сколь и беспредметно размышляющих о России, о её правительстве и народе, о её прошлом и будущем, — русского голоса не слышно.

В 20-х годах дело всё же обстояло лучше. Разбитый большевиками либерально-социалистический фронт Временного Правительства располагал довольно прочными связями с политическими центрами Европы. Голос порабощённой большевиками России в то время ещё имел некоторый вес. Но с годами он ослабел и затих. Самую большую роль в этом печальном процессе сыграли годы, т. е. старость, болезнь и смерть прежних вождей революционной демократии, но немалую роль сыграли и ослабление духа бодрости, и потеря необоснованных надежд: большевизм оказался явлением гораздо более сложным, значительным и судьбоносным, чем это поначалу казалось деятелям Февраля.

Новой эмиграции роль консультантов по русским делам оказалась ещё менее по плечу, чем старой. Выросшая в стране, абсолютно отрезанной от всего остального мира, она не вывезла и не могла вывезти в Европу ни более или менее солидных исторических знаний, ни живого ощущения души и бездушия Запада. Достаточного же времени, чтобы осмотреться и во всем разобраться, продумать своим умом и окинуть своим глазом, — ей не было дано, так как сразу же по окончании второй войны на Западе поднялась борьба между «свободным миром» и Советской Россией. Победы в этой борьбе Запад надеялся добиться собственными силами и средствами. Ни в каких идеологических и стратегических советах эмиграции он не нуждался. Нельзя сказать, чтобы Европа и Америка новую эмиграцию игнорировали, отнюдь нет. С нею много носились, гораздо больше, чем со старой, но с нею мало считались. Западу были нужны не политические советники, а свидетели советских ужасов, эксперты по определённым вопросам, агитаторы и т. д.

Хотя эмигрант главным образом политик, он всё же и частный человек, стоящий перед трудной задачей настолько хорошо устроиться в чужой земле, чтобы прокормить себя и свою семью, чтобы вырастить детей добрыми европейцами или американцами, но и подлинно русскими людьми. Осуществление этой задачи — дело трудное. Уберечь детей от влияния чужой страны, их второго отечества, нельзя, а потому и противиться ему бессмысленно. Школа, среда, улица, театр, товарищи, и главным образом язык, — всё это факторы громадного значения, которые, если им ничего не противопоставлять, неизбежно приводят к быстрой и полной денационализации детей. Чтобы этого не случилось, необходимо подсказать детям определённую тему для общения с западным миром. Этой темой и может, и должна быть Россия. Русский по происхождению ученик

немецкой гимназии, читающий со своим немецким товарищем «Бориса Годунова» Пушкина; студент Сорбонны, пишущий работу о роли Герцена в европейском революционном движении; окончивший берлинскую консерваторию внук старого русского эмигранта, не дающий ни одного концерта без исполнения русских композиторов; европейски образованный православный священник, мальчиком выехавший из Советской России, окончивший парижский богословский институт и смиренно раскрывающий католикам и протестантам мистическую глубину и благоухание православного богослужения, — вот несколько образов и примеров того органического сращения верности своей покинутой родине с творческим освоением второго отечества, в котором, вдали от всякой политики, таится смысл нашей эмигрантской жизни, эмигрантской — не беженской.

Беженскую жизнь устроить и осмыслить очень трудно, а, быть может, и невозможно.

Беженец

Беженец в моей социологической конструкции представляет собою полную противоположность эмигранту: он не способен на то, в чём, как было выяснено, центр и сущность эмигрантского сознания и эмигрантской жизни, — на органическое соединение жизни с родиной с жизнью на чужбине. Беженец обыкновенно или с такою силой одержим тоскою по родине, что оказывается не в силах хоть как-нибудь устроиться в чужой стране, или, наоборот, он с такою быстротою забывает покинутую родину, что в два счёта недурно устраивается в любой среде. Беженец первого типа — беспочвенный лирик, беженец второго типа — зубастый мещанин-делец. Говорить о дельцах много не приходится. Существенной социологической проблемы Русского Зарубежья они собой не представляют, так как уже во втором поколении утрачивают, по крайней мере, на поверхностный взгляд, свой национальный облик, а в третьем — и язык.

Было бы нетрудно описать ряд головокружительных беженских карьер, но не стоит вдаваться в беллетристику. Для меня важны не образы беженской жизни, а её исходные точки зрения — простые и ясные: не за тем мы бежали от холода и голода, чтобы здесь мёрзнуть и голодать. Не за тем покидали добро, чтобы жить нищими. У себя обязательно сели бы в тюрьму за буржуизм, а здесь, Бог даст, в люди выйдем. Надо сказать, и впрямь выходили.

Гораздо сложнее проблема беженцев-лириков. Говоря о них, я главным образом имею в виду те слои Зарубежья, что попали в Европу после ликвидации белого движения. Среди новых эмигрантов поэтов много, но беженцев-лириков мало.

Человек не может жить, не помня своего прошлого. Только памятью, учит Платон, осуществляется человеческая личность. Но человек также не может жить, не забывая ничего из того, что довелось пережить. Пережив страшную трагедию, ничего не забывающий человек мог бы лишь претерпевать, но не строить своё

будущее; всё сидел и плакал бы у рек Вавилонских. Не умея правильно сочетать права на память с долгом забвения, эмигрант-лирик не только что льёт слезы, но словно кровью истекает мучительными воспоминаниями о своём незабвенном прошлом.

Помнить и вспоминать — не одно и то же. Помнить можно и бессознательно, бессознательно же вспоминать нельзя. Помнить прошлое — значит нести его в себе как своё наследство и во всех своих чувствах и помыслах постоянно излучать его. Когда Шаляпин пел в Париже Годунова, он о России, конечно, не вспоминал. На сцене со свойственной ему осмотрительностью следил за своей игрой и за своим пением. А в паузах думал об успехе у публики и у прессы, быть может, даже и о повышении гонорара. Но всё это происходило на поверхности его сознания. В глубине же своего бессознательного творчества он жил, конечно, Россией. И не вспоминая её — он помнил её. Потому и мы, слушая его, возвращались памятью в Московское царство.

Староэмигрантские воспоминания нечто совсем иное и даже обратное. Они не жизнь в прошлом — традиция, а возврат настоящего в прошлое — иллюзия: реки, как известно, вспять не текут. Живя надеждою, что это чудо рано или поздно всё же случится, типичные беженцы оказываются неспособными к уразумению смысла, а потому и к осмысливанию своей собственной трагедии. Вместе с тоскою по своему светлому прошлому в них на чужбине быстро вырастает ненависть к новому окружению. Так незаметно подкрадывается к ним тяжёлое душевное заболевание Зарубежья — ностальгия, классическим выражением которой мне представляется запись марсельского самоубийцы: «...а в Туле небо было ярче». Это яркое тульское небо одно из тех типичных эмигрантских преувеличений, которыми с первых же лет искажались почти все старобеженские вздыхания. В разговорах между собой, а в особенности с иностранцами русские дворяне-помещики инстинктивно преувеличивали число десятин в родовых имениях, а высшие чины русской армии — свою близость к петербургскому двору. Но, конечно, преувеличивали не только дворяне, но и другие сословия, даже и революционерам жандармские офицеры представлялись, в сущности, довольно приятными людьми.

Трудно преодолеваемая враждебность к новой эмиграции, не помнящей старой России и несущей на себе, несмотря на вражду к большевизму, всё же его отпечаток, и, что ещё мучительнее, постоянные неладья и размолвки с детьми, которых жизнь неудержимо сносит не только в чужую, но и в ненавистную родителям среду, — постоянные спутники ностальгии. «За русскую книгу их не засадишь, говорить между собой по-русски не заставишь, уважение к сытой, чистой, заграничной жизни в них не погасишь и, что самое главное, бессознательного презрения к нам — не устроенным, нищенствующим беженцам — не победишь. Какие же они русские, когда они России и знать не хотят; да и какие же они нам дети, когда они нас стыдятся?» Кто не слышал таких жалоб, не чувствовал

их горечи? Станным образом, но такие настроения порождают иногда как будто бы невозможный для беженцев вопрос: «Да не зря ли мы бежали? Как-никак, а люди ведь и дома живут. Конечно, страдают, но знают, за что и знают, что родина их слышит. А мы тут за что страдаем? Никому наши страдания не нужны и никому они не слышны. Вот уже 20 лет на одном месте живем, а всё равно всем чужие. Были бы помоложе, быть может, назад бы вернулись!»

Это как раз то, что собирался сделать мой учитель-власовец. Допустимо ли такое решение, правильно ли оно? Думаю, что, говоря принципиально, т. е. не входя в рассмотрение индивидуальных обстоятельств каждого отдельного случая, на этот трудный вопрос надо отвечать утвердительно. Пребывание на чужбине оправдывается только борьбой за родину. Если бороться нет ни возможности, ни сил, то почему не ехать домой, если тебя земля зовет? Против такого тихого возвращенчества никто возражать не вправе.

Совсем другое дело — громкая возвращенческая проповедь советских патриотов.

Советский патриот

Советские патриоты появились и громко заговорили в Зарубежье только по окончании Второй мировой войны, хотя в эмбриональном состоянии они существовали и раньше. При первых встречах с ними в Париже и Швейцарии, я недоумевал: как понять и чем объяснить, что убежденные антибольшевики вдруг начали восхвалять Сталина как спасителя родины, как её доброго гения. Лишь после многих размышлений я понял, что вновь испечённые сталинофилы славословят Сталина за то, что под его маршальским жезлом Советская армия разбила Гитлера, что он для них — второй Кутузов, одержавший, как и первый, блестящую победу над самим антихристом. Возражение, что если уже оперировать этим не очень односмысленным историософским образом, то можно, пожалуй, и самого Сталина причислить предтечам апокалиптического героя, их не убеждало, так как самый факт дарования Господом Богом победы Сталину над Гитлером являлся для них доказательством того, что сталинская Россия уже возвращается ко Христу и в Православную Церковь. Против таких пророчеств спорить было бы трудно, и отвечать на них нечего, кроме: «Дай Бог, дай Бог, вашими бы устами да мёд пить!». Но, конечно, не в религиозных пророчествах сущность и сила новых советофилов, а в страстном заносчивом патриотизме: мы русские — какой восторг.

С этим восторгом связаны безоговорочное отрицание эмигрантской миссии и требования эмигрантской борьбы. Не бороться надо, по мнению «патриотов», против советского правительства, а, временно закрыв глаза на страдания родины, всеми силами поддерживать воскресшее в силе и славе всероссийское отечество против всех его внутренних и внешних врагов. Где искать корни этого пафоса? Конечно же, не в христианстве, и уж никак не в православии. В идеологии советских патриотов громче всего звучат мысли Гегеля и его школы с некоторой примесью макиавеллизма.

«Государство есть находящийся в вечном движении мир идей» (Адам Мюллер), «Государство — это Бог на земле» (Гегель). Вот из чего фактически исходят советские патриоты в их проповедях и писаниях. Они в этом не очень сознаются, что и понятно: патриотам, хотя бы и советским, как-то неудобно исходить из учений германской философии. Правда, из того же Гегеля исходили и большевики, но ведь они поначалу были коммунистическими Интернационалистами, а никак не русскими патриотами.

Излюбленным средством сращения советского патриотизма со старорусским — являются размышления о том, что если окинуть пройденный большевиками путь с той высоты, с которой его видит история, то нельзя будет не признать, что история России спокон веков шла тем страдательским путем, каким её ведут большевики. Разве при Иоанне Грозном и Петре не лилась обильно кровь и не свирепствовали пытки? Конечно, и того и другого было меньше, но ведь лишь потому, что и Россия была меньше. Если же учесть увеличение её площади и прирост населения, то ещё неизвестно, кто правил круче. Конечно, соглашаются советские патриоты, большевистская власть подавляет свободу Церкви и принуждает её служить государству, но разве того же не делал образованнейший юрист Победоносцев? Конечно, крестьянам несладко в колхозах, но разве им было слаще в аракчеевских поселениях и под помещичьим гнётом? Никто не спорит, распадавшуюся под бессильною властью Временного Правительства Россию большевики спасли страшными мерами, тяжёлою рукой в ежовой рукавице, но разве было бы лучше, если бы она погибла, была бы расхищена иностранными акулами и меньшинствующими предателями? Обвинять большевиков в том, что они, как крупные политики всех времён, действовали согласно законам истории, которые никогда не совпадали с требованиями нравственности, бессмысленно и несправедливо. Фридрих Ницше знал, почему он отрицал «моралин» в истории.

Хотя и верно, как уже было отмечено, что советские патриоты, за очень немногими исключениями, прибыли в Европу определенными врагами большевизма и лишь после войны обернулись советофилами, было бы несправедливо обвинять их в идеологическом перебежничестве. Изменились, в конце концов, не они, изменилась на их глазах Россия — её облик, её строй.

Большевики, подписавшие «похабный» брестский мир, были им ненавистны как разрушители исторической власти и государственной мощи России. Но вот те же большевики не только восстановили эту власть, но усилили и возвеличили её. Перед Россией трепещет не только Европа, но весь мир. Не ясно ли, что ненавидеть их больше не за что, что им можно только рукоплескать?

Всё это вполне последовательно, но, как мне кажется, характерно скорее для римско-германского, чем для традиционного русского патриотизма. Уже Киреевский обвинял римлян в том, что их мужской патриотизм не знает тёплой любви к матери-родине, что он односторонне питается гордым ощущением величия и славы своего отечества.

Думаю, что эти слова Киреевского верно характеризуют государственный пафос советского патриотизма. Ничем иным, как этим пафосом объясняется и то, что в отличие от несчастных беженцев советские патриоты живой тоски по родине не чувствуют, что и понятно: славить и пропагандировать силу и талантливую изобретательность большевистской власти гораздо легче и удобнее в Европе, откуда не видны страдания родины, чем среди несчастного русского народа.

Борьба с советскими патриотами возможна, а потому и осмысленна, но спор с ними беспредметен. Для их счастья достаточно сознания того, что над бескрайними просторами России никогда не заходит солнце. Для нашего счастья — этого мало. Нам надо ещё знать, какую жизнь освещает это никогда не заходящее солнце. Советские патриоты утешены тем, что влияние большевизма в мире растёт. Мы же уповаем на то, что Бог видную ему правду хоть и не скоро, а всё же скажет.

1955 г.

Василий Орехов

В гостях у «Посева»

12—16 сентября в залах большой гостиницы Франкфурта происходили расширенные заседания газеты «Посев» (до 1968 года периодическое издание «Посев» было газетой — *Ред.*), собравшие многочисленную русскую и иностранную публику.

Русские приехали из разных мест — от Норвегии до Марокко. «Посев» располагает сейчас большими техническими возможностями, имеет собственную типографию, оборудованную новейшими машинами и приспособлениями, прекрасно устроенную редакцию. При «Посеве» печатаются «Грани» и множество пропагандной литературы. Младший брат «Посева» — информационное агентство РИА, имеющее собственную редакцию и отдельный штат сотрудников, но, в сущности, составляющее единое целое со всеми другими начинаниями НТС.

Доклады, предложенные расширенному заседанию А. Н. Артёмовым («Политико-психологическое состояние населения СССР»), В. Д. Поремским («Проблемы стратегии антибольшевицкой революции»), Е. Р. Романовым («Принципы и методы революционной пропаганды») и Л. Ржевским (о «Посеве») были прочитаны с большой эрудицией и максимальной устремлённостью к российскому настоящему.

Конечно, в известной степени, докладчиков можно было упрекнуть в смелости их заключений и в чрезмерном оптимизме в оценке тех, несомненно, революционных, процессов, которые происходят на нашей Родине, однако это — дело спорное, и судьёй в этих вопросах может быть только ближайшее будущее.

Однако, эти возможные упреки должны стучаться перед той верой в Россию и российский народ, которая сквозила во всех заявлениях докладчиков.

Фёдор Августович Степун (1884—1965). Русский религиозный философ и публицист. Родился в Москве в семье выходцев из Германии. Окончил Гейдельбергский университет. Принял православие. Православный философ. Участник Московской вольной академии духовной культуры. Был редактором международного философского журнала «Logos» (1910—1914), читал лекции по философии и литературе. Был выслан из России в 1922 г. на «философском пароходе». Стал профессором Дрезденского университета (1926—1937). В 1931—1939 г. вместе с Г. И. Федотовым издавал журнал «Новый град», в котором развивал идеи христианского социализма. В 1937 г. отстранён от преподавания нацистами. В 1946—1965 гг. был профессором философского факультета Мюнхенского университета, где вёл уникальный предмет — историю русской мысли. Скончался 23 февраля 1965 г. в Мюнхене.

Многочисленные содокладчики и оппоненты дали также картину людей, неутомимо работающих над разрешением сложнейших вопросов, перед которыми встанет и неизбежная организованная борьба против коммунизма и освобождённая от советской власти Россия.

На заседаниях, в публике, меня, впервые приехавшего в гости к «Посеву», особенно тронуло и поразило то патриотическое горение и тот жадный интерес к теперешней России, которые охватили всех присутствовавших. Я не могу скрыть, что многие люди напомнили мне времена кутеповской организации: та же готовность к подвигу и жертве, и тот же «упор» только на Россию. Эта атмосфера могла бы послужить примером для многих эмигрантских заседаний. На этих совершенно отсутствовали вопросы эмигрантских разделений, мелочей, споров и дразг. Право, точно не верилось, что такую достойную русских политических работников обстановку можно создать в лето от Р. Х. 1952-е, когда, куда ни пойдешь, слышишь сплетни, пересуды и бичевание других.

Я не солидарист, никогда им не был, и не буду, потому что существование всякой, самой достойной, политической партии за рубежом я считаю в какой-то степени нарушающей единственную, с моей точки зрения, правильную тактику — сплочение всех живых эмигрантских сил для борьбы с большевизмом. Однако, вложив персты в рану, я, по долгу совести, не могу не отметить большую и полную творческой инициативы работу, проделанную НТС и его «официозом», «Посевом».

Как я сказал в своём приветствии заседанию, в «древние времена». В двадцатых годах я присут-

ствовал при зарождении маленькой организации русской национальной молодёжи, вышедшей из недр Русской Армии. Пройдя тягчайшие испытания и ряд ударов изменчивой судьбы, эта организация вылилась в большое политическое движение, несомненно, преданное делу освобождения России и не порывающее с основными российскими традициями.

Не ошибается тот, кто ничего не делает, и, конечно, есть ошибки и у солидаристов. Однако, это движение охватило значительные круги российской молодёжи, спасая её от денационализации и забвения нашей Родины, оно выполняет, несомненно, жертвенную работу, оно, несомненно, привлекает к себе молодых наших соратников по общему фронту, «выбирающих свободу». И его нельзя не приветствовать и не пожелать ему полного успеха.

Не входя в рассмотрение программы солидаристов, программы сложной и не во всём ясной, хочется ещё пожелать, чтобы руководители НТС нашли бы в себе

достаточно сил для подчинения частных, партийных интересов общему, общероссийскому делу. Тогда ни один здравый человек не сможет отказаться от сотрудничества с ними.

Одновременно со мной произнёс своё приветствие Н. А. Цуриков, также ближайший в своё время соучастник и руководитель наших молодых организаций. В сущности, он сказал то же самое и оттенил то чувство ответственности, которое ложится сейчас на каждого политического руководителя перед Россией и общим фронтом борьбы.

Заканчивая эту краткую заметку, и ещё раз, в союзном по общему фронту, «Посеву» — «Часовом» приветствуя его редакцию, сотрудников и друзей, я хочу поблагодарить их за те исключительно радостные чувства, которые я испытал, присутствуя в среде людей, целью своей деятельности поставивших служение России и только России.

«Часовой», 1952 год. Публикация Антона Васильева

КНИГИ И ЛЮДИ

Александр Гогун

Бойня шла не ради славы...

*Мой Телемак,
Троянская война
окончена. Кто победил — не помню.
Должно быть, греки: столько мертвецов
вне дома бросить могут только греки...
Иосиф Бродский, «Одиссей Телемаку», 1972 г.*

Из работ, сравнивающих сталинщину и национал-социализм [1], опубликованная в середине прошлого года монография американского полонофила Тимоти Снайдера «Кровавые земли. Европа между Гитлером и Сталиным» (далее в скобках в тексте ссылка на эту работу) выделяется по многим критериям. Во-первых, для её написания использованы литература и архивные документы на десяти языках. Во-вторых, монография сфокусирована на наиболее страшных проявлениях режимов — терроре, зверствах и войне. В-третьих, акцент сделан на интеракции систем на разных уровнях, а географический фокус нацелен на «соединительную ткань» между тиранами, поле битвы и одновременно объект притязаний — пространства между Берлином и Москвой: Польшу, Украину, Белоруссию, Прибалтику, западную Россию¹.

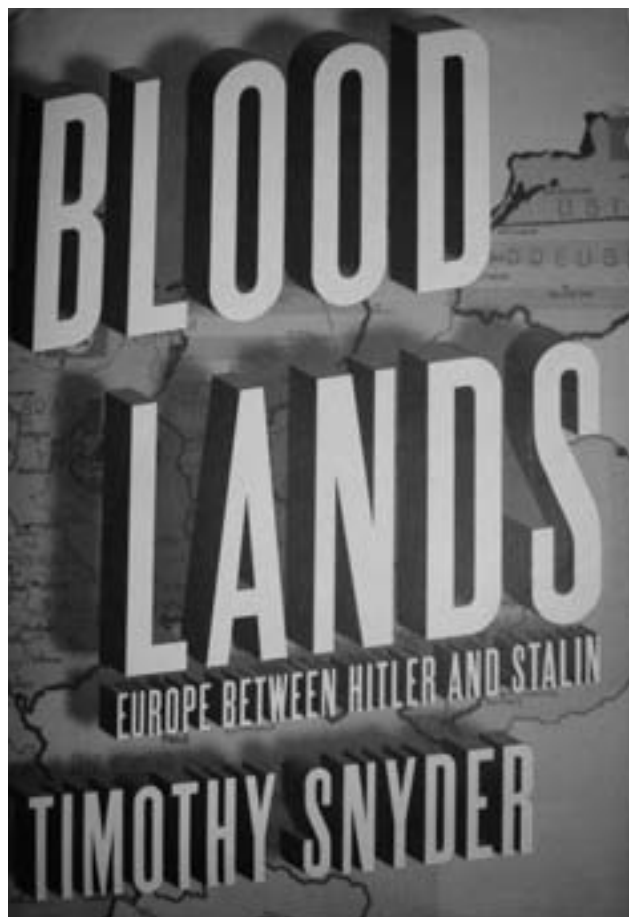
Несомненным достоинством работы является простой, но яркий стиль, который уже сделал «Кровавые земли» бестселлером в англоязычном мире. В настоящий момент книга переводится на 14 языков.

Текст организован по проблемно-хронологическому принципу: искусственно устроенный советами го-

лод, классовый и национальный сталинский террор, репрессии в раскромсанной диктаторами Европе — всё это описано широкими мазками. В главу «Экономика апокалипсиса», помимо воссоздания хозяйственных визий и действий тиранов, входит и рассказ о гибели миллионов советских военнопленных, блокады Ленинграда, а также внешнеполитических планах двух режимов. Холокосту посвящено три главы, куда вкраплены сюжеты о сопротивлении нацистам. Отдельно рассматриваются нацистские лагеря уничтожения. Две последние главы повествуют о послевоенных этнических чистках, в том числе депортациях немцев, а также такой мрачной странице, как антисемитизм сталинщины, в том числе в Польше.

Во введении и заключении автором обозначены принципы работы: объединение и культивация разрозненной исторической памяти об общих трагедиях, произошедших на «кровавых полях». Ведь в сознании массового читателя преступления сталинизма ассоциируются прежде всего с холодной Сибирью и расстрельными подвалами Москвы. Нацистская индустрия смерти связывается с чистыми улочками Германии. Однако, по словам Снайдера, преимущественно на землях бывшей Речи Посполитой два режима в 1930—1953 гг. уничтожили большинство из убитых:

¹ [Рец. на кн.:] Timothy Snyder. Bloodlands. Europe between Hitler and Stalin. NY: Basic Books, 2010. 524 P.

14 миллионов гражданских лиц. Не считая сугубо фронтовой мясорубки.

Страны и народы «кровавых полей» показаны в основном не как субъекты, а как жертвы двух тоталитарных империй. Подчёркивается, что в жерновах Большого террора «Украина как советская республика была пропорционально сверх-представлена в СССР, а поляки были сверх-представлены в Советской Украине» (Р. 107). Более того, истребление польских элит в 1939—1941 гг. получило своеобразную историософскую оценку: «Это массовое убийство двумя оккупантами было знаком того, что польская интеллигенция выполнила свою историческую миссию» (Р. 154). Подобные взгляды были весьма распространены в Польше в приснопамятные 2006—2007 гг., а в Украине — в 2005—2009 гг. Впрочем, и сейчас значительная часть центрально- и восточноевропейских читателей концентрируется на наблевшем, на кошмарных страницах отечественного прошлого.

Книгу отличает компаративистский подход и нацеленность на сопоставление. К прямым жертвам интеракции систем относятся погибшие советские военнопленные, а также мирные жители, замордованные в ходе «антипартизанских» операций Вермахта и СС. Даже косвенным путём «взаимодействие» несло смерть — стороны использовали зверства друг друга, чтобы оправдать свои карательные мероприятия, в том числе публичные.

Сложно не согласиться с автором: сравнивая два режима, можно глубже понять каждый из них, да и вообще события XX века.

В целом монография выполнила поставленную задачу, проинформировав читателя, прежде всего американского, о трагедии центральной и Восточной Европы. Поэтому немаловажно упоминание в книге выразительного молчания свободного мира относительно волн красного террора и иных издевательств над людьми. Наиболее яркий пример — визит в СССР лидера Радикальной партии Франции Эдуарда Эррио. По итогам поездки по удушаемой Украине в 1933 году он был приглашён на приём в Кремле. После участия в застолье с неизменной икрой бывший премьер-министр позволил опубликовать в «Правде» своё высказывание, восхваляющее колхозы (Р. 58).

При этом в работе есть публицистические перефразы. Не всегда можно согласиться и с принципами отбора материала, а также с рядом оценок.

В книге утверждается, что в начале Голодомора Сталин «перешёл на позицию чистой злобы, когда украинские крестьяне были агрессорами, а он, Сталин, жертвой. Голод был формой агрессии, для Кагановича в классовой борьбе, а для Сталина в украинской национальной борьбе, против которой голод был только обороной» (Р. 42). Тезис подтверждается ссылкой на эссе 30-летней давности. Хотя по поводу мотивов устройства Голодомора после открытия архивов появилось немало публикаций. В них, в частности, указывается не только на «дисциплинирующее» воздействие рукотворной напасти, но и на выкачку из деревни средств, причём не только продовольствия [2] — для закупки на Западе оборудования.

Повсеместно в книге употребляются словосочетания «еврейская цивилизация» применительно к местечкам и гетто ашкенази, и «польская цивилизация» (Р. 153, 222, 280, 377 и др.). Более корректным в обоих случаях представляется термин «культура».

Вологда названа «северо-русским городом смерти» (Р. 130), хотя она известна как сравнительно благоустроенный региональный культурный центр.

В описании марша Вермахта вглубь СССР и наката красного парового катка на Запад наличествует досадная асимметрия даже уже на уровне лексики. Распространение общества поголовного рабства нередко называется «освобождением» (300, 312 и др.), а введённый Сталиным термин «Великая Отечественная война» (Р. 335) используется без кавычек.

Военным преступлениям советской стороны уделяется совсем мало внимания. Полстраницы (Р. 316—317) посвящено неистовому разгрому, который устроила Красная армия в тогдашней Восточной Германии в конце 1944 — начале 1945 г. В книге постулируется, что оргия убийств, вандализма, насилия и разбоя стала следствием наличия в вооружённых силах большого количества бывших заключённых и, в широком смысле, советского воспитания солдат. Но, по всей видимости, «праздник» был начат устным приказом Сталина. Предполагалось изгнать немцев с территорий, которые, по замыслу Вождя, должны были после войны отойти Польше и СССР. О подобных интенциях свидетельствуют даты двух приказов. Первый — о разрешении солдатам посылать домой внушительные

по объёму посылки (23.12.1944), т. е. грабить — в момент вступления Красной армии в Восточную Пруссию и подготовки к захвату Силезии. Второй — о резком уменьшении веса и содержания посылок (10.03.1945) — после выхода на линию Одер–Нейсе. Вспомним также публикацию в «Правде» «утихомиряющей» статьи (14.04.1945) — в период подготовки Берлинской операции, т. е. похода уже на земли будущей ГДР.

Послевоенному антисемитизму системы уделён значительный процент повествования, хотя прямыми жертвами этого явления стали в тысячи раз меньше людей, чем других репрессивных послевоенных акций коммунистических режимов.

В «Кровавых землях» гипотеза о плане депортации советских евреев в 1953 году скорее поддержана (р. 368). Однако документальных свидетельств о наличии столь грандиозного замысла не выявлено. К тому же сложно предполагать, что Сталин был готов нанести сокрушительный удар как по государственному аппарату, так и по престижу СССР. В связи с этим имеет смысл отметить небольшую деталь. В рецензируемой монографии как достоверное приводится высказывание Сталина от 1 декабря 1952 года: «Каждый еврей — националист и агент американской разведки» (р. 366). Во-первых, это не запротоколированное изречение, а дневниковая запись свидетеля, т. е. ненадёжный источник. Во-вторых, перевод цитаты неточен, т. к. в оригинале мысль звучит иначе: «Любой еврей-националист — это агент американской разведки» [3].

Общая оценка жертв коммунистов выглядит заниженной: «...Советский Союз при Сталине на территории кровавых земель уничтожил свыше 4 миллионов человек (и всего — около шести миллионов)» (Р. 384). Очевидно, что 6 миллионов — это совокупный результат расстрелов 1937—1938 гг. и голодомора 1932 г. Однако угробленные непосильным трудом, холодом и голодом в ГУЛАГе, умершие ссыльные, а также мобилизованные крестьяне, особенно на «стройках пятилеток», расстрелянные по национальным и/или политическим мотивам не в годы Большого, а в ходе повседневного террора, в том числе в период войны, умершие в результате голода 1946 г. — всё это тоже жертвы сталинщины. Важно помнить и о варваризации советского быта, начавшейся в 1928 г. и приведшей к росту смертности от недоедания, скученности проживания, свирепой хозяйственной эксплуатации, болезней, в том числе эпидемий. По подсчётам профессора Ивана Курганова, в результате войн и других мероприятий ленинско-сталинского периода истории демографический дефицит (убитых и не родившихся) в 1959 г. в СССР составил 110,7 миллионов человек [4]. Германский исследователь Йорг Баберовски оценивает результат правления «кремлёвского горца» в 20 миллионов прерванных жизней [5].

Любопытно, что книга сразу же породила полемику.

В частности, интеграционный посыл работы — слияние воедино двух традиций памяти о трагеди-

я — был сразу же воспринят многими коллегами в штыхы.

Например, глава иерусалимского отделения Центра Симона Везенталя Эфраим Зуорофф поместил в «Гардиан» статью, где высказался против приравнивания СССР к нацистской Германии. По мнению израильского историка, это означает снятие основной ответственности с главного виновника войны и обоснование тезиса о двойном геноциде, который опасно искажает историю Второй мировой войны и Холокоста.

В публикации также высказан специфический взгляд на пакт: «Сталин подписал его, так как не имел другого выхода: переговоры об антигитлеровском альянсе с Британией и Францией провалились, а Польша не согласилась пропускать советские войска по своей территории. Пакт позволил Сталину хотя бы выиграть время на подготовку Красной армии к неизбежному столкновению с Вермахтом» [6].

На страницах той же газеты автор «Кровавых земель» похожим образом сформулировал и своё видение внешней политики Кремля: «Летом 1939 года Гитлер хотел войны, а Сталин — перемирия. В 1930-е годы Сталин очень боялся оказаться в кольце у коалиции Германии, Польши и Японии» [7].

Да и в монографии высказывается положение, что Сталин опасался нападения, поэтому его шаги в 1920—1930-х годах были направлены на оборону страны (р. 157, 163 и др.). Отсюда же утверждения: социализм в отдельно взятой стране был предпосылкой устройства рая для советского рабочего (р. 13), а коллективизация представляла альтернативу захвату колоний (р. 159) и являлась формой колонизации внутренней.

На основе документов, ставших доступными в 1990-е годы, ведущий российский специалист по внешней политике Сталина профессор Джангир Наджафов представил другую версию событий.

Все действия «вождя народов» до 1941 года объяснялись планомерной подготовкой к войне за распространение социалистической системы и личной власти её главы. Индустриализация была направлена на создание вооружения для армии агрессии. Коллективизация — на обеспечение индустриализации и будущего бесплатного прокорма этих вооружённых сил. Наполнение рабсилой ГУЛАГа подчинялось указанной военно-экономической цели. А расстрелы служили созданию лояльного тыла. Да и пакт был нужен не как выигрыш времени или перемирие. Он потребовался для того, чтобы подготовиться к приходу красноармейцев Европу, ввергнув в её общую схватку. Последней, к слову, в 1939 году вовсе не желал Гитлер.

Таким образом, если благодаря книге Снайдера красный террор уже подвергается должной переоценке, то экспансионистские устремления СССР, без учёта которых сложно точно оценить внутреннюю политику Сталина, на Западе ещё ждут столь же громкого бестселлера.

1. Stalinism and Nazism: dictatorships in comparison/ Ed. by Ian Kershaw. Cambridge [et al.]: Cambridge University Press, 1997. 369 P.; Beyond totalitarianism: Stalinism and Nazism compared/Ed. by Michael Geyer.

Cambridge [et. al.]: Cambridge University Press, 2009. 536 P.; Robert Gellately, Lenin, Stalin, and Hitler: the age of social catastrophe. NY: Knopf, 2007. 696 P.; Richard J. Overy. The dictators: Hitler's Germany and Stalin's Russia. NY [et al.]: Norton, 2004. 848 P.; Alan Bullock. Hitler and Stalin: parallel lives. London: Collins, 1189 P.; Jörg Baberowski; Anselm Doering-Manteuffel. Ordnung durch Terror: Gewaltexzesse und Vernichtung im nationalsozialistischen und im stalinistischen Imperium. Bonn: Dietz, 2007. 116 S.

2. Осокина Е. Золото для индустриализации. Торгсин. — М.: РОССПЭН, 2009. Passim.

3. Малышев В. «Пройдёт десяток лет, и эти встречи уже не восстановишь в памяти»: Дневник наркома// Источник. 1997. № 5. С. 140.

4. Впервые опубликовано: Курганов И. Три цифры//Посев. 1977. № 12.

5. Jörg Baberowski. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München: DVA, 2004. Passim.

6. Efraim Zuroff. A dangerous Nazi-Soviet equivalence// The Guardian. 29.09.2010.

7. Timothy Snyder. Echoes from the killing fields of the east//The Guardian. 28.09.2010.

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Мирон Я. Амусья

Об одной церемонии к семидесятой годовщине 22 июня

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЙНОГО МЕРОПРИЯТИЯ

*Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа
Киев бомбили,
Нам объявили,
Что началась война.
Кончилось мирное время,
Нам расставаться пора.
Я уезжаю,
Быть обещаю
Верным тебе до конца.*

Песня первых дней войны, текст Б. К. Ковынева

Я получил от массовой рассылки «Права человека» уже в который раз приведённое ниже сообщение о проведении церемонии, связанной с семидесятой годовщиной начала Великой Отечественной войны, и приглашение посетить её. На это сообщение в итоге посчитал нужным откликнуться письмом, идущим сразу за коротким введением.

Ещё живы люди, которые помнят этот день. Сообщение о начале войны, которое превратило формального друга в вероломного агрессора. Внезапное ощущение полного слома привычного состояния общества, включая довольно скорую массовую мобилизацию военнообязанных. Я не случайно говорю о «формальном друге», поскольку в ряде известных мне семей, включая нашу, было не только интуитивное ощущение ненадёжности пакта «Молотов-Риббентроп», но и определённые конкретные данные от родных и приятелей. Нам за пару недель до войны о неизбежном скором её начале сообщил из Риги дядя, офицер дислоцированной там с сорокового года части авиации дальнего действия.

С другой стороны, даже в детское сознание внедрена была мысль о дружбе между Германией и СССР, причём обе страны были персонифицированы своими лидерами. Действительно, помню, зимой, в конце сорокового — начале сорок первого, мы с соседским мальчиком играли в войну. Один из нас воскликнул: «Ура! Мы победим! С нами Сталин!», а второй добавил: «И Гитлер!».

Именно живая память о тех днях и окружавших меня в то время людях в первую очередь, да и гораздо лучшее, чем тогда, понимание происходивших событий, и заставили меня написать следующее:

Dear Права человека,

1. Прошу распространить моё мнение касательно данного объявления через Вашу сеть.

2. Полагаю, что объявлять 22 июня 1941 г. «самой драматической датой в истории народов СССР и современной России», по меньшей мере, неправильно, а по существу дела — цинично. Именно, 22 июня и несколько последующих месяцев были катастрофой, трагедией, приведшей к огромным человеческим и моральным жертвам, потере огромных территорий и материальных ценностей. Они полностью показали неготовность руководства СССР, в первую

очередь — Сталина, к войне, зияющие промахи в стратегических, оперативных и тактических расчётах. Именно начало во многом привело к тому, что за победу пришлось заплатить чудовищную цену, превосходящую 30 миллионов жизней, от ответственности за которую современные врали пытаются избавиться тогдашнего «сильного» и «эффективно» лидера.

3. Несомненно, Победа демонстрирует гигантский стратегический просчёт Гитлера, так и почти до своего конца не осознавшего ту силу, с которой ему придётся реально воевать, не понявшего возможности объединения против Германии СССР, США и Великобритании.

4. Однако за промахи и преступления Гитлер и его камарилья понесли хоть какую-то, вплоть до личной, ответственность. Чего нельзя сказать о Сталине и его окружении, которого давно и упорно прикрывают словами «победителей не судят». Этой несправедливой формулировкой прикрываются те, для кого правда, даже через семьдесят лет, невыгодна. (Вспоминаю, как в полемизирующей со мной и другими авторами один ветеран (фамилию, каюсь, забыл) писал в газетной статье, что Сталин не стоял за каждым следователем-садистом, за каждым лагерным надсмотрщиком, за каждым дурацким действием своих сподвижников. Извините, милейший. Именно стоял. Это он создал систему, которая привела к трагическим последствиям, масштаб которых резко увеличился с нападением Германии на СССР 22 июня 1941 г. Там же оппонент приводит слова, якобы сказанные Черчиллем, будто это счастье, что в минуты тяжких испытаний во главе СССР стоял такой великий лидер, как Сталин. Ничего подобного я у Черчилля не читывал. Да и без него ясно, что было это на самом деле величайшим несчастьем).

5. Само название 22 июня «драматическим», вместо «катастрофическим» или «трагическим», днём служит забвению огромных жертв, поскольку драма, катастрофа и трагедия суть разные вещи.

6. Мне, из-за возраста, просто незачем читать квази-исторические изыски новых борзописцев, поскольку многое помню сам, а многое — по несомненно достоверным рассказам моих близких и хорошо знакомых людей. Вспоминаю рассказ полковника Татаренко, нашего преподавателя военной подготовки в 1953 г., когда, убегая под Ленинградом вместе с другими, буквально «напоролся» на маршала Клима Ворошилова (не путать с танком того же названия), который, вдвоём с адъютантом, пытался толпу остановить. Как рассказывал дядя, он одним из последних уходил из Риги под огнём из вчера ещё дружественных окон. Их, подразделение авиации дальнего действия, бросила без прикрытия приданная им для сопровождения удравшая пехотная часть. Они были непосредственными участниками того, что происходило тогда на фронте, да и в тылу. В частности, хорошо помню, как этот фронт катился к Ленинграду со скоростью, превосходящей движение пешехода быстрым шагом.

7. Странно использовать эту трагедию для чего бы то ни было, кроме памяти погибших. Члены ветеранских организаций, которые реально участвовали в событиях тех месяцев, были, пусть определённо не по своей вине, в составе бегущей по всему фронту от немецких войск, за исключением всего нескольких пунктов, Красной армии. О тех, кто отнесён к ветеранам в результате последующей службы в Советской армии, или был отождествлён с ветеранами войны как участник многочисленных военных операций СССР сомнительного морального качества после Победы над Германией и Японией, я не говорю — они, на мой взгляд, к обсуждаемому событию прямого отношения вообще не имеют.

8. Для реальных современников тех месяцев, как и для части не успевшего убежать от катящегося нацистского вала мирного населения, так и всех застрявших в немецкой оккупации евреев, это была не драма, а трагедия или даже катастрофа. Как таковой этот день и следует отмечать.

9. Считаю выражение «благодарности живущим в Израиле участникам ВОВ и памяти погибших солдат и офицеров Красной Армии всех национальностей, значительную часть которых составили лучшие сыны еврейского народа» в принципе уместным мероприятием. Однако дата, к которому оно приурочено, и само «военно-историческое мероприятие» на эту тему, с включением слова «военно-» в название, не может не вызвать по меньшей мере удивления.

10. Трудно не заметить, что ветеранские и близкие к ним группы, в которые входят, помимо реальных участников Великой Отечественной войны, и просто отслужившие в Советской Армии, жители блокадного Ленинграда, люди, эвакуированные из захватываемых немцами мест, присвоившие себе без каких-либо оснований громкий титул «Беженцев Катастрофы», бывшие работники правоохранительных органов СССР и даже России, практически не участвуют в организации памятных церемоний, связанных с ветеранами израильских войн. А речь ведь идёт о памяти тех, кто своими жизнями создавал и обеспечил существование государства Израиль. Именно это государство дало столь необходимые ветеранам, среди которых уже тогда было немало нетрудоспособных, нужные каждодневно стол, кров, да и медицинское обслуживание, что позволило им избежать более чем десятилетия тягот болезненнейших реформ, сопровождавшихся невыплатами зарплат, практически нулевыми пенсиями, полным обесценением денежных вкладов в СССР, в процессе его превращения из сверхдержавы в «бывший Советский Союз».

11. Позволю себе прокомментировать приложенный к обсуждаемому объявлению и приглашению стих, написанный поэтессой Ириной Вайнер из Беер-Шевы. Здесь не место толковать о чисто художественных достоинствах стиха, да и я, хоть и любитель поэзии, не чувствую за собой ни права на подобную дискуссию, ни знаний для неё. Понимаю возможность метафоричности стиха, и упоминаю его лишь в связи с тем, что оно идёт с обсуждаемым объявлением и приглашением в едином «пакете».

Так вот, с точки зрения 22 июня 1941 г. слова

*«Помнят, помнят в степи ковыли,
Как солдаты в атаку здесь шли»,*

есть прямое искажение исторической правды того периода войны. Равно, как и такие строки, как

*«И окрасились в кровь ковыли,
Но враги не прошли, не прошли».*

Это, увы, относится в целом к заметно более позднему периоду войны, но никак не к 22 июня 1941 г.

12. Позволю несколько переиначить слова поэта, написав о намеченном мероприятии:

*Это не нужно мёртвым.
Это нужно живым.*

Однако, пользуясь памятью мёртвых, живым всех возрастов и общественных положений, включая легион политиков и всевозможных «активистов», следует по отношению к ним и памяти о них проявлять такт. Боюсь, что лейтмотив намеченного мероприятия этот такт нарушает.

*

Приглашаем участников Второй мировой войны и граждан Израиля — Мы помним, мы благодарны, низкий поклон Вам дорогие Ветераны!

Максим Ефимов

«В тюрьме я не рассчитывал выжить»

12 мая 2011 года выдающийся советских диссидент, председатель Фонда «Гласность» Сергей Иванович Григорьянц отметил свой 70-летний юбилей. Молодёжная правозащитная группа Карелии публикует статью, посвящённую малоизвестной стороне жизни Сергея Ивановича — выживанию в советской тюрьме. Статья основана на воспоминаниях С. И. Григорьянца, которые я записывал с его слов. Прочитав статью, вы узнаете о пытках в советских тюрьмах и о необратимых последствиях медицинских экспериментов многочисленных советских Менгеле, о голодовках, о том, как секретарь Луначарского, член редколлегии «Нового мира» И. А. Сац спас С. И. Григорьянцу жизнь, а Расул Гамзатов не помог, о так называемых «покаянцах», ставших очень преуспевающими людьми. «Когда Шаламова спрашивали, как ему удалось выжить на Колыме, он коротко отвечал: “Мне повезло!”. Для меня в этом ответе два смысла. Во-первых, это удача в каких-то определенных, смертельно опасных ситуациях, и, во-вторых, и это не менее важно — точное знание того, что запас человеческих сил, человеческой выносливости, прочности, бесспорно, ограничен. У разных людей эта граница находится в разных местах: у кого ближе

Уважаемые друзья!

Приближается 70-летие самой драматической даты в истории народов СССР и современной России — 22 июня, начало Великой Отечественной войны...

Представительство ФА Россотрудничество и партнёрские израильские организации Израиля приглашают всех желающих принять участие и поддержать новое по форме и содержанию военно-историческое мероприятие благодарности живущим в Израиле участникам ВОВ и памяти погибших солдат и офицеров Красной Армии всех национальностей, значительную часть которых составили лучшие сыны еврейского народа.

В созданном гражданами молодого Государства Израиль ещё в 1950 г. на народные средства мемориальном Лесу им. Красной Армии (близ пос. Абу-Гош) состоится художественно-мемориальная встреча ветеранов ВОВ, членов Клуба военно-исторической реконструкции РККА (рук. Натан Гринберг, г. Ашдод) и представителей ряда общественных организаций Израиля.

Прозвучат песни военных лет, выступления фронтовиков и представителей молодого поколения, все вместе помянем погибших и произнесём здравицу живущим победителям.

Детская писательница и поэтесса Ирина Вайнер, из Беер-Шевы, к трагической дате 22 июня прислала свои новые стихи о погибших советских солдатах «Ковыли».

к обычной жизни, у кого дальше, но у каждого она есть. И если в советском лагере тебе удалось остаться человеком, к которому ты сам можешь относиться без отвращения, то, значит, тебе просто повезло. Еще один грамм против тебя на весах судьбы в критическом положении, и всё было бы иначе». Бесчеловечному обращению и пыткам подвергались люди, которые сидели в тюрьмах и лагерях за так называемые политические преступления, преступления, высосанные из пальца, которые с общечеловеческой точки зрения преступлениями не являются. Политзаключённые не были преступниками, но лагерное начальство относилось к ним с не меньшей ненавистью, чем к самым опасным уголовникам. Советский политзаключённый — это особый, исключительный случай для тюремной системы, которая умножала преступления советского режима, по сути, уничтожая честных людей, вся вина которых заключалась в том, что они были свободными, мыслящими личностями, с чувством собственного достоинства, и не питали никаких иллюзий в отношении тоталитарной советской власти.

Статья: <http://right.karelia.ru/rus/index.php?razdel=articles&page=2011042350>

По стране

12 июля с.г. в Доме Русского Зарубежья имени Александра Солженицына (Москва) состоялся творческий вечер поэта Инны Богачинской (Нью-Йорк) при участии Международного журнала «Большой Вашингтон». Инна Богачинская — член Южно-русского союза писателей, поэт года в Нью-Йорке. Энциклопедия «Британика» назвала И. Богачинскую одним из наиболее состоявшихся поэтов Русского Зарубежья.

22–26 июня с.г. в Витебске по благословению председателя Александро-Невского братства, заместителя Александро-Невской Лавры Епископа Выборгского Назария проходил фестиваль дружбы славянских народов «Славянское единство».

Как и в 2010 году, в фестивале участвовали представители театральной студии «Покров» и духовно-просветительского центра «Хранители», витебского молодёжного братства св. Иоанна Кронштадтского, петербургско-белорусская группа Славянского Молодёжного Союза и молодежь из Брянской епархии во главе с руководителем епархиального отдела по делам молодежи священником Димитрием. По примеру православного лагеря на Грушинском фестивале, проводимым 9 лет Александро-Невской песенной дружиной, была установлена палаточная часовня с двухметровым белым крестом над ней.

В первый день фестиваля был проведён круглый стол, посвящённый духовно-просветительским программам. Брянские, петербургские, витебские и орловские участники рассказали о своих проектах. С прошлого года в Брянской епархии начала работать православная группа, весной у ребят появилось отдельное помещение для встреч при молодёжном отделе епархии. Завершил встречу показ отрывка из историко-просветительской пьесы «Анна и Царская семья» по воспоминаниям Анны Вырубовой и ближайшего окружения последнего российского императора Николая II. Текст 1 акта пьесы представлен в Интернете на ряде сайтов.

Молодёжный фестиваль завершился в канун крупного мероприятия — встречи славянских народов, в которой участвуют десятки тысяч жителей приграничных районов России, Беларуси и Украины.

В этом году по приглашению Брянской епархии и Славянского Молодёжного Союза праздник славянских народов посетил глава Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Кирилл. Патриарх высказался за дальнейшее укрепление связей славянских народов и предложил построить на стыке границ трёх славянских государств храм Святой Троицы.

Председатель Славянского Молодёжного Союза Александро-Невского братства, Сергей Прокофьев подвёл итог следующим образом: «Несмотря на определённые трудности, и организационные, и духовные, необходимо развивать и расширять участие в фестивале православной молодёжи, теперь уже опираясь и на патриаршее

благословение и поддержку. Только большой православный лагерь, со своей интересной программой, может помочь участникам фестиваля «Славянское единство» глубже узнать свою православную культуру, историю. Глубже осознать своё единство не на дискотеке с иностранными песнями, а на фольклорных праздниках, круглых столах и на богослужениях на общем для всех церковно-славянском языке. Было бы интересно в последующие годы по окончании фестиваля от монумента Дружбы начать молодежные крестные ходы в Россию, Беларусь и Украину. Или наоборот: крестными ходами прийти из 3-х братских стран православной молодёжи и, собравшись в православном лагере, начать фестивальную программу.

Заявки на фестиваль можно направлять по адресу prokofjev@yandex.ru.

13 июня с.г. в Санкт-Петербурге в библиотеке имени Л. Н. Толстого на Васильевском острове состоялась Вторая конференция памяти великого князя Михаила Александровича. «Царь всё равно Монарх, даже если он является таковым всего час», сказал протоиерей Геннадий Беловолов. Николай II отрёкся от престола в пользу младшего брата Михаила, но тот «правил» только один день, отложив вопрос о монархии до решения Учредительного Собрания.

Потом о. Геннадий перешёл к презентации новой книги Владислава Краснова «Пермский крест: Михаил Романов». Директор Квартиры-Музея Св. Иоанна Кронштадтского и настоятель Храма Иоанна Богослова, о. Геннадий написал к книге вступление. Он представил Краснова как американского профессора и общественного деятеля, не жалеющего сил ради пробуждения интереса российского общества к судьбе Михаила. Краснов родился в Перми недалеко от здания бывшей гостиницы «Королевские номера», откуда Михаил и его верный секретарь Джонсон были увезены на бессудную расправу в ночь на 13 июня 1918. В 1991 году Краснов впервые привлёк внимание пермяков к судьбе Михаила возложением венка и установкой первой мемориальной доски на здании, которое могла постичь участь Ипатьевского дома в Екатеринбурге.

Название книги «Пермский Крест: Михаил Романов» основано на том, что царевбийство свершилось на территории Пермской губернии, включавшей тогда и Пермь, и Екатеринбург и Алапаевск. И началось оно с устранения Михаила в Перми. Именно в нём большевики видели главную законную альтернативу своей узурпаторской власти. Название книги намекает на пророчество Иоанна Кронштадтского о грядущих революционных событиях. Однажды он сказал пермским купцам, что видит над Пермской землёй тень Чёрного Креста.

Ровно год назад, сообщил Краснов, в Перми был воздвигнут Большой Покаянный Крест около часовни Михаила Тверского, небесного покровителя Михаила Александровича.

Соб. инф.